
Russian Journal of Comparative Law

Has been issued since 2014. ISSN 2411-7994, E-ISSN 2413-7618
2015. Vol.(5). Is. 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation (Editor in Chief)

Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Mamadaliev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **OAJI, MIAR, ROAD, E-library, Scilit**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal41.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.09.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № RJCL-5.

© Russian Journal of Comparative Law, 2015

Russian Journal of Comparative Law

2015

Is.

3

Russian Journal of Comparative Law

Издается с 2014 г. ISSN 2411-7994, E-ISSN 2413-7618
2015. № 3 (5). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бирюков Павел – Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация (Главный редактор)

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Беларусский государственный университет, Минск, Беларусь

Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: OAJI, MIAR, ROAD, E-library, Scilit

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal41.com/>

E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 20.09.15.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Заказ № RJCL-5.

CONTENTS

Articles and Statements

On the Procedural Costs in Criminal Proceeding of the Czech Republic and the Swiss Pavel N. Biriukov	82
On National Realization of International "Soft Law" Norms Rustam M. Khalafyan	88
Issue of Responsibility for Lacks of the Goods, Works or Services under US Legislation Nikolay N. Nadezhin, Roman V. Khalin	103
WTO Law and International Law: the Problem of Relationship Nataliya Y. Tyurina	110
Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Finland Ilia N. Zhdanov	116

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 82-87, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.82

<http://ejournal41.com>

Articles and Statements

UDC 341.01

On the Procedural Costs in Criminal Proceeding of the Czech Republic and the Swiss

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Abstract

This article brings to light the procedural costs (legal expenses) in accordance to the Criminal Procedure Code of the Czech Republic and the Swiss. The author provides a number of norms which regulate the legal expenses in sphere of criminal procedure in two States. The author analyzes the activity of Czech and Swiss judges, prosecutors, advocates and others subjects of criminal procedure. The obligations of States are investigated in detail. The author examines the rules for reimbursement of the defense, witnesses and experts, compensation expenses incurred for unjustified criminal prosecution ect.

Keywords: Czech Republic; Swiss; Code of Criminal Procedure; criminal proceedings; procedural costs.

Introduction

The rules for reimbursement of expenses during the criminal proceedings in the Czech Republic are determined by the Criminal Procedure Code (hereinafter – CPC) [1]. The CPC of the Czech Republic provides both general and specific rules for reimbursement of procedural costs.

There is basic document in the sphere of criminal procedure in the Swiss – CPC of October 5, 2007 [2]. Some questions relative legal expensive are regulated by the Criminal Justice Authorities Act of 19 March, 2010 [3].

Materials and methods

The main sources for writing this article became the official documents of the Czech Republic and the Swiss, materials of the journal publications and archives.

The study used the basic methods of cognition: the problem-chronological, historical and situational, systemic and the method of comparative law. Author's arguments are based on

problem-chronological approach. The use of historical and situational method allows to reproduce assessment approach to the problem of the criminal procedure legislation of the Czech Republic and the Swiss. Method of comparative law defines the difference in views on actual rules of the activity of the judges, prosecutors, advocates and others subjects of Czech law and Swiss law. A systematic method does achieve a variety of disciplines (criminal law, criminal procedure law etc) accessible and comparable, as present is determined by the past and the future - by the present and the past.

Discussion

The CPC of the Czech Republic and Switzerland provides both general and special provisions concerning the reimbursement of expenses.

First, § 151 of the Criminal Procedure Code of the Czech Republic sets out general rules for costs in criminal proceedings, which are carried by State. As a rule, all the costs necessary for the investigation and prosecution, including at the stage of the enforcement proceedings shall be carried by the state. However, the State does not carry its own costs of the accused, civil defendant and the victim, nor the costs arising from the involvement of defense counsel and a representative [7].

At the same time, the State bears the costs of mandatory defense cases that have arisen as a result of a complaint of a violation of the law. The defendant, who has been appointed to the accused also receives payment and reimbursement under the special rules. The limit of compensation and overhead costs is issued by a decision on the proposal of the defense authority of criminal justice, which ends the prosecution. The chairman of the senate of the court of first instance defines it during the court proceedings. On the proposal of the defense counsel the prosecutor can decide a preliminary award to be given even before the end of the criminal proceedings, if it's justified by the duration of criminal proceedings or other important reason [8].

Similar provisions are contained in CPC of Switzerland. In accordance to Art. 417 CPC of Swiss in the event of failure to comply with procedural requirements or any other form of procedural default, the criminal justice authority may require the party responsible for the default to pay procedural costs and damages regardless of the outcome of the proceedings.

The participation of more than one person and liability of third parties is regulated by Art. 418 CPC. If more than one person is liable to pay costs, the costs shall be imposed proportionately. Where two or more persons are jointly responsible for costs being incurred, the criminal justice authority may order that persons concerned are jointly and severally liable to pay the costs. It may require third parties in accordance with the civil law principles of liability to bear the costs jointly and severally with the accused.

The Swiss or the canton may take legal action against persons who willfully or through gross negligence lead it to incur costs by: a) causing proceedings to be instituted; b) make the proceedings considerably more complicated; c) bringing about a decision that is overturned in review proceedings.

The criminal justice authority shall decide who is to bear any costs in the final judgment. It may make an advance decision in: a) interim decisions; b) decisions on the partial abandonment of the proceedings; c) decisions on appeals against interim and abandonment decisions (Art. 421 CPC).

Procedural costs shall be borne by the Confederation or the canton that conducts the proceedings, unless otherwise provided in this Code (Art. 423 CPC of Swiss). The Confederation and the cantons shall issue regulations on the calculation of procedural costs and shall stipulate the fees. They may stipulate flat-rate fees for simple cases that also cover the outlays.

The criminal justice authority may defer its claim to procedural costs or, taking account of the financial circumstances of the person liable to pay, reduce or remit the sum due. The accused shall bear the procedural costs if he or she is convicted.

If the proceedings are abandoned or the accused acquitted, all or part of the procedural costs may be imposed on the accused if he or she has unlawfully or culpably caused the proceedings to be initiated or has obstructed their conduct. The accused shall not bear the procedural costs that:

a) the Confederation or the canton has incurred through unnecessary or flawed procedural acts;

b) are incurred for translations that were necessary because the accused speaks a foreign language. The accused shall bear the costs of the private claimant's legal aid representative only if he or she has the financial means to do so.

If the proceedings are abandoned or result in an acquittal because the accused is not legally responsible due to a mental disorder, the costs may be imposed on the accused if this appears reasonable in all the circumstances (Art. 419).

Second, the rules of Criminal Procedure Code of the Czech Republic and Switzerland regulate a specific questions of reimbursement of criminal procedure costs.

The procedural costs comprise the charges that cover fees and outlays in a specific criminal case. Outlays are in particular: a) the cost of the duty defence lawyer and legal aid representative; b) the cost of translations; c) the cost of expert reports; d) the cost incurred by involving other authorities; e) postage, telephone and similar expenses (Art. 422 CPC of Swiss).

The CPC of the Czech Republic (§ 152) establishes an obligation to refund the costs of criminal proceedings by a convicted. In particular, if the person has been convicted which came into force by the verdict, it must reimburse to the state: a) the costs associated with the execution of detention [10]; b) the costs associated with the enforcement of imprisonment [5].

The daily rate is attributable to the costs associated with the execution of detention and to the enforcement of imprisonment, is determined by the Minister of the Interior.

The convicted is also obliged to compensate the so-called "lump-sum expenses" - the other costs that are borne by the state. This amount is determined by the Minister of Justice by his order.

The CPC of the Czech Republic (§ 153) also establishes the following provision: a person wrongly submitted an application to reopen the proceedings, is obliged to compensate the State a cost of production of this statement, namely a lump sum to be determined by the Minister of Justice. These provisions do not apply to the prosecutor [6] and bodies "entrusted to care of young people.

The obligation of cost recovery of the victim is fixed in § 154 of the CPC of the Czech Republic. "If the victim of at least partly recognized the right to compensation, the convicted, who was given the responsibility of redress, must reimburse the costs necessary for the purposeful presentation of his claim to damages in criminal proceedings, including the costs incurred by engaging counsel or other authorized person".

Adjudication of the obligation to reimburse costs of the criminal proceedings, and their size is described in detail in § 155 of Czech's CPC. The question of the obligation to reimburse the costs of the victim and their amount (§ 154), as well as the obligation of compensation for costs associated with the execution of detention (§ 152) is decided by a Chairman of the judicial collegium of the court of the first stage after the sentence comes into force. This decision may be appealed, which entails suspensive effect.

Third, according with Art. 427 CPC of Swiss the private claimant may be ordered to pay procedural costs incurred as a result of his or her applications on civil matters if: a) the proceedings are abandoned or the accused is acquitted; b) the private claimant withdraws the civil claim before the conclusion of the main hearing before the court of first instance; c) the civil proceedings are dismissed or remitted to the civil courts.

In the case of offences prosecuted only on complaint, procedural costs may be imposed on the complainant where he or she has willfully or through gross negligence brought about the proceedings or has obstructed their conduct, or on the private claimant where: a) the proceedings are abandoned or the accused is acquitted; and b) the accused is not liable to pay costs.

If the complainant withdraws the criminal complaint as part of a settlement arranged by the public prosecutor, the Confederation or the canton shall normally bear the procedural costs. An agreement between the complainant and the accused on who is to bear the costs in the event that the criminal complaint is withdrawn requires the approval of the authority that orders the case to be abandoned. The agreement may not prejudice the Confederation or the canton.

If the accused is wholly or partly acquitted or if the proceedings against the accused are abandoned, he or she is entitled to: a) damages for his or her expenditure incurred in the appropriate exercise of their procedural rights; b) damages for the financial losses that he or she incurs due to the required participation in the criminal proceedings; c) satisfaction for particularly

serious violations of his or her personal circumstances, in particular due to deprivation of liberty (Art. 429 of CPC of Swiss).

Fourth, in accordance with § 104 of the CPC witness is entitled to reimbursement of necessary expenses and lost earnings. The right is extinguished when the witness does not submit it in the period up to three days after his interrogation, or after it was reported that the questioning did not take place; this witness should be warned. The amount of payment is determined by the person who called the witness and by the Chairman of the Senate [3] in the court.

Fifth, § 111 of the CPC defines the rules of payment of the expert. The amount of payment is determined by the one who has attracted the expert, and in the trial stage - by the Chairman of the Senate. If a person has attracted expert or Chairman of the Senate does not agree with the amount of the payment, a decision is made. This decision is subjected to appeal with suspensive effect.

Sixth, in Switzerland there are rules about the features of compensation for the damage in rehabilitation.

In accordance to Art. 431 of CPC of Swiss the criminal justice authority may reduce the damages or satisfaction or refuse to pay if: a) the accused has unlawfully and culpably brought about the proceedings or has obstructed their conduct; b) the private claimant is required to pay damages to the accused; or c) the accused's expenditure is negligible. If compulsory measures have been applied to the accused unlawfully, the criminal justice authority shall award the accused appropriate damages and satisfaction. There is a right to damages and satisfaction in relation to remand and preventive detention if the permitted period of detention is exceeded and the excessive deprivation of liberty cannot be not accounted for in sanctions imposed in respect of other offences. The right to apply if the accused: a) is sentenced to a monetary penalty, community service or a fine and the equivalent alternative custodial sentence would not be substantially shorter than the time spent on remand or in preventive detention; b) receives a suspended custodial sentence the length of which exceeds the time spent on remand or in preventive detention.

In the seventh, the Swiss CPC has the rules governing compensation for damage as a result of appeals procedures. Pursuit Art. 428 of CPC of Swiss the costs of the appellate proceedings are borne by the parties according to whether they are successful or not. An appellant is also regarded as unsuccessful if the appeal is dismissed without its substance being considered or if the appeal is withdrawn. Where an appellant secures a more favourable decision, he or she may be ordered to pay costs if: a) the appeal is successful due to circumstances that became apparent for the first time in the appellate proceedings; or b) only minor changes are made to the contested decision. If the appellate authority itself issues a new decision, it shall also review the ruling on costs issued by the lower court. If it quashes a decision and remits the case to the lower for a new decision, the Confederation or the canton shall bear the costs of the appellate proceedings, if the appellate authority so decides, those of the lower court. If an application for a review is approved, the criminal justice authority that must subsequently deal with the case shall decide at its discretion on the costs of the first proceedings.

Results

Thus, under Swiss CPC there are following procedural costs: general and special costs. General procedural costs are: the cost of the duty defense lawyer and legal aid representative; procedural requirements or any other form of procedural default, costs of persons not legally responsible due to a mental disorder. Special costs cover fees and outlays: the cost of translations; the cost of expert reports; the cost incurred by involving other authorities; postage, telephone and similar expenses.

Pursuant Czech CPC The costs of criminal proceedings, including sentence enforcement proceedings, shall be borne by the State; the latter, however, shall not bear the costs of the accused, the participating person and the injured, and the costs of the counsel and proxy. The State, however, shall bear the costs of mandatory defense incurred by the accused as a result of filing the complaint for the breach of law. If the defendant was found guilty in a final sentence, he shall have to reimburse the State: the costs incurred by his remand in custody; the fee and cash expenditures of the counsel assigned by the State unless the defendant is entitled to a free defense counsel; the costs incurred by serving an imprisonment sentence and a lump sum for other costs borne by the State.

Conclusion

Thus, the rules of the CPC of the Czech Republic and Switzerland's CPC regulate compensation as the total expenditure in the field of criminal justice as well as funds spent for the implementation of certain legal proceedings. Some decisions of the foreign legislator can be used in the Russian criminal proceedings.

Примечания:

1. Zákon č. 141/1961 Sb., O trestním řízení soudním (trestní řád), ve znění zákona č. 265/2001 Sb. // URL: <http://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=141&r=1961>.
2. Schweizerische Strafprozessordnung (Strafprozessordnung, StPO) vom 5. Oktober 2007 // <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html#a435>
3. Bundesgesetz über die Organisation der Strafbehörden des Bundes (Strafbehördenorganisationsgesetz, StBOG) vom 19. März 2010 // <https://www.admin.ch/ch/d/as/2010/3267.pdf>
4. Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestní zákoník // <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.
5. Sizov A.A. Some Procedural Actions Which are Conducted by the Decision of Czech Police // Вестник полиции. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 23-27.
6. Zákon ze dne 17. července 2008 o Policii České republiky // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273>.
7. Тимофеева А.В. Участие адвоката в уголовном процессе в Чешской Республике // Евразийская адвокатура. 2013. № 4 (5).
8. Donatsch A., Schwarzenegger C., Wohlers W. Strafprozessrecht. 2. Auflage, Zürich/Basel/Genf 2014, 393 S.
9. Donatsch A., Eliane W. Exploring the Tension Between the Obligation on the Police of Swiss to Prevent and Prosecute Crime // Вестник полиции. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 10-16
10. Khalaryan E.A. Some Peculiarities of Preliminary Investigation in Czech Republic // Вестник полиции. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 17-22.

References:

1. Zákon č. 141/1961 Sb., O trestním řízení soudním (trestní řád), ve znění zákona č. 265/2001 Sb. // URL: <http://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=141&r=1961>.
2. Schweizerische Strafprozessordnung (Strafprozessordnung, StPO) vom 5. Oktober 2007 // <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html#a435>
3. Bundesgesetz über die Organisation der Strafbehörden des Bundes (Strafbehördenorganisationsgesetz, StBOG) vom 19. März 2010 // <https://www.admin.ch/ch/d/as/2010/3267.pdf>
4. Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestní zákoník // <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.
5. Sizov A.A. Some Procedural Actions Which are Conducted by the Decision of Czech Police // Vestnik policii. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 23-27.
6. Zákon ze dne 17. července 2008 o Policii České republiky // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273>.
7. Timofeeva A. V. Uchastie advokata v ugovnom protsesse v Cheshskoi Respublike // Evraziiskaya advokatura. 2013. № 4 (5).
8. Donatsch A., Schwarzenegger C., Wohlers W. Strafprozessrecht. 2. Auflage, Zürich/Basel/Genf 2014, 393 S.
9. Donatsch A., Eliane W. Exploring the Tension Between the Obligation on the Police of Swiss to Prevent and Prosecute Crime // Vestnik policii. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 10-16
10. Khalaryan E.A. Some Peculiarities of Preliminary Investigation in Czech Republic // Vestnik policii. 2015. Vol.(3). Is. 1. P. 17-22.

УДК 341.01

Судебные расходы в уголовном процессе Чехии и Швейцарии

Павел Николаевич Бирюков

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Аннотация. Статья проливает свет на вопрос о судебных издержках в чешском уголовном процессе. Автор приводит нормы, которые регулируют уголовное судопроизводство в Чехии Швейцарии. Анализируется деятельность судей, прокуроров, адвокатов и других субъектов уголовного судопроизводства. Подробно исследуются обязательства государств по финансированию уголовного судопроизводства. Автор рассматривает правила возмещения расходов на защитника, свидетеля и эксперта, компенсации трат, понесенных за необоснованное привлечение к уголовной ответственности и другие затраты.

Ключевые слова: Чехия; Швейцария; Уголовно-процессуальный кодекс; уголовное судопроизводство; судебные расходы.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 88-102, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.88

<http://ejournal41.com>

UDC 341.01

On National Realization of International "Soft Law" Norms

Rustam M. Khalafyan

M.M. Speransky Institute for Legislation and Legal Information, Russian Federation
664003, Irkutsk, Gorkogo st., 31
Senior Research Fellow
E-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Abstract

The interaction between international law and international "soft law" happens not only in international, but also in domestic relations. The article considers the basic ways of international "soft law" influences on domestic relations: direct (through the special references to it in legislation, treaties, judgements) and indirect (as secondary means to law) by the example of States in Europe, North America and some members of the Commonwealth of Independent States. International "soft law" is used, first of all, in judicial practice. It lets judges to give reasons for their decisions, construe and concretize a legal rule, etc. The conclusion is that the use of international "soft law" within national legal systems facilitates to the implementation of international law. Thereupon the necessity of further research on the topic is emphasized. Based on analysis of the state practices, the author raises the question about the international "soft law" as specific regulator of relations, including domestic relations.

Keywords: international law, international "soft law", domestic relations, regulatory legal acts, courts.

Введение

Одной из характерных особенностей современного международного права является его устойчивая связь с различными международными нормами и обязательствами, не обладающими юридической силой. Использование международных актов различной природы субъектами внутреннего права приводит к более широкому взаимодействию национальной правовой и международной нормативной систем. В этой связи представляется интерес изучение роли международного «мягкого права» в процессе национально-правовой имплементации международного права.

Материалы и методы

При написании статьи использованы отечественная и зарубежная научная литература, национальные нормативные правовые акты и иностранное законодательство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, судебная практика, а также решения судов иностранных государств.

Методологической основой публикации выступила совокупность методов научного познания. В частности, формально-юридический метод способствовал выявлению особенностей международного «мягкого права». Благодаря применению сравнительно-правового метода изучено его влияние на внутрисударственные отношения. Системный подход позволил рассмотреть международное «мягкое право» в сочетании с международной и национальной правовыми системами.

Обсуждение

В литературе в самом общем виде международные неправовые акты с большой долей условности обозначают термином международное «мягкое право» (далее – ММП). Не вдаваясь в подробный анализ данной концепции, отметим, что среди специалистов существует лишь общее представление о ММП, причиной чему служит сложность данного явления, многообразии форм его внешнего выражения [1, С. 124–133; 2, С. 100–111; 3; 4]. В данной работе термин ММП будет пониматься в широком смысле, охватывающем рекомендации международных организаций и международные политические акты.

«Существенное значение для эффективности воздействия на международные отношения, – пишет Л.Х. Мингазов, – имеет правильное сочетание правовых и других (и прежде всего политических) видов регулирования. ... На практике не всегда возможно или целесообразно использовать для регулирования тех или иных международных проблем правовую форму. Порой рекомендация, резолюция, принятая в рамках международной организации, являются более эффективным средством воздействия, в других – предпочтительным может быть урегулирование политическое» [5, С. 202; 6].

В этой связи С.Ю. Марочкин обращает внимание на большее распространение международных правовых механизмов в вопросах «прикладного», конкретного (права человека, экология, борьба с преступностью, др.), нежели политизированного характера, связанного с общими вопросами международных отношений [7, С. 13; 8; 9].

Количество международных неправовых документов неуклонно растет. В частности, учреждение и активное функционирование международных организаций, интенсифицирующих процесс международного нормотворчества, сказывается не только на динамике создания международных правовых норм, но и способствует развитию специфического массива правил и обязательств, требующих самостоятельного изучения. Во-первых, при использовании норм ММП поведение субъекта обычно рассматривается с точки зрения соответствующего (или не соответствующего) указанным нормам, а не международному праву. Во-вторых, государства свободны в выборе средств регулирования отношений (путем принятия во внимание предписаний международного права или положений ММП). В-третьих, презюмируется, что государства обладают правом следовать в своей практике положениям, заключенным в форму рекомендательного акта.

Обычно к числу обстоятельств, характеризующих ММП, относят: отсутствие юридических последствий в случае нарушения или неисполнения его положений; более упрощенный, по сравнению с международным правом, порядок принятия (не требуется ратификация, утверждение и т.п.); гибкость и способность приспосабливаться к своеобразию регулируемых им отношений; возможность осуществлять с его помощью толкование, детализацию правовых норм или восполнять и преодолевать пробелы в правовом регулировании и др. ММП реализуется добровольно, в силу авторитета его создателей.

Как показывает сравнительно-правовой анализ международного права и ММП, последнее обладает общими признаками, роднящими его с международно-правовыми нормами. Ю.С. Безбородов называет следующие черты сходства норм ММП и международных договорных норм: представляют собой правила поведения, созданные путем согласования позиций государств и (или) международных организаций; согласие с правилами, в них содержащимися, явно выражено; выполняют регулируемую функцию; нет препятствий, чтобы этими актами воспользовались [10, С. 87].

Важной чертой ММП является также то, что оно выражает универсальные ценности мирового сообщества. На это указывается и теоретиками права. Л. С. Явич, характеризуя международный правопорядок, отмечал, что международное право отражает не только национальные государственные интересы, но имеет и общесоциальную сущность:

«общесоциальное право находит свое выражение в документах (декларациях), которые само по себе не придают им юридического, общеобязательного для государств значения, но обладают большой силой морально-политического, идейного влияния не только на отношения между государствами, но также на внутрисоциальные отношения» [11, С. 180]. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, рекомендательные акты международных организаций являются обязательными для соблюдения (!) в том случае, если в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства (постановление от 27 июня 2012 г. № 15-П) [12].

Связь международных правовых и международных неправовых регуляторов становится еще более ощутимой не только на уровне общих признаков их норм, но и при изучении практики их реализации. Свидетельство тому – утверждения специалистов о трудности проведения на практике различий между осуществлением обязательств, вытекающих из международного права и ММП [13, С. 69–71; 14, Р. 583; 15, Р. 319–320].

Например, Г.М. Даниленко и Дж. И. Чарни считают, что поскольку случаи обращения к судам или репрессалиям редки даже при нарушениях обязательств по международному праву, основным средством принуждения остается давление сообщества, применяемое как в отношении нарушителей ММП, так и международного права. Кроме того, обязательства ММП могут быть трансформированы в обязательства по международному праву. Подобной позиции придерживается и Э.Т. Гузман. Он полагает, что нередко международные договоры не предусматривают механизмы осуществления согласованных норм, в отличие от необязательных соглашений, которые могут повлечь некоторые последствия. В то же время, пишет Э.Т. Гузман, поскольку нарушение юридически обязательного соглашения налагает на государства ограниченные расходы, то говорить о качестве «обязательности» («необязательности») можно только тогда, когда за соответствующие нарушения затраты, налагаемые на виновную сторону, будут различаться. Д. Шелтон, уделяя большое внимание ММП в своих исследованиях, подчеркивает, что «проверка нормативности [в данном случае, обязательности – Р. Х.], основанной на последствиях, может сбить с толку, поскольку нарушения права могут служить причиной последствий, которые могут быть политически обусловленными».

Складывающаяся ситуация носит в определенной степени парадоксальный характер. По мере развития и совершенствования механизма международного правового регулирования, иные международные регуляторы (рекомендации, договоренности и др.) не утрачивают своего значения, а, напротив, крепнут и получают параллельное существование с международным правом. Как отмечает Ш. Розен, «в большинстве случаев необязательные части документа численно явно превосходят формальные обязательные договоры или обязательства, хотя на практике международный договор, вероятно, является самым важным типом документов, с которыми будет сталкиваться юрист-международник. Однако в глазах дипломата и политика необязательный документ, например, заявление о политике, может выглядеть весьма серьезно» [16, Р. 337]. Не является ли это следствием неэффективности международного права, следствием его кризиса?

Подобные суждения высказываются. Негативная оценка текущего положения вещей дана, в частности, Н.В. Власенко, которым расширение сферы использования ММП воспринимается как проявление кризиса международной правовой и внутрисоциальной систем, что выражается, по его мнению, в утрате правом таких свойств, как гарантированность юридических норм, безусловное обеспечение действия [17, С. 47].

Вместе с тем, принимая во внимание текущее развитие международных отношений, можно предположить, что доля международного неправового регулирования будет продолжать расти. В этой связи представляет интерес то, каким образом подобная ситуация повлияет на упорядочение отношений, возникающих между субъектами международного права в XXI веке, будет ли она способствовать совершенствованию системы международного права?

На наш взгляд, в ближайшем будущем развитие международного права в значительной степени будет обусловлено не столько насущными потребностями в соответствующих правилах поведения для регулирования различных областей

международной жизни, сколько нуждаться в детализации, толковании и применении уже существующих универсальных демократических положений международного права к конкретным ситуациям.

Отсюда одним из особенностей международного права в XXI веке видится смещение акцента с дальнейшего масштабного формирования его системы, имевшего место в минувшем столетии, на работу с уже созданными принципами и нормами в направлении их большей эффективности. Практика демонстрирует, что формирование и имплементация международного права может происходить, в частности, за счет иных международных регуляторов, в корне ему не противоречащих. На их месте вполне могут выступить международные неправовые акты или акты ММП. По точному замечанию А.Я. Капустина, «международное право не только отражает присущие любому праву характеристики, но обязательно воспроизводит особенности системы, которая вызвала его к жизни, т.е. системы межгосударственных отношений, представляющей собой исторически изменяющуюся субстанцию. Современная эпоха развития международных отношений отличается от предыдущих рядом особенностей» [18, С. 7].

В последнее время можно наблюдать расширение сферы общественных отношений, регулируемых международным правом. При его активном участии осуществляется взаимодействие национальных правовых систем. Соблюдение актов ММП, обращение к ним, проявляется как на международном уровне [19], так и в пределах юрисдикции национальных государств [20, С. 164–167; 21, Р. 262–268; 22]. Следует согласиться с мнением И.И. Лукашука, что «существенно более разнообразным стал международный инструментарий интернационализации права государств. Особое значение приобрели резолюции международных органов и организаций, т. е. акты мягкого права» [23, С. 51].

Изучение национальной практики использования ММП в ряде зарубежных государств позволяет выделить два основных способа влияния международных неправовых актов на внутригосударственные отношения: прямое (непосредственное) и косвенное. В зависимости от этого различается и роль рекомендаций международных организаций и иных актов ММП: либо они являются самостоятельным регулятором, либо выступают как вспомогательное, «техническое», по отношению к международному и национальному праву, средство регламентирования общественных отношений.

Прямое влияние имеет место, когда существуют специальные отсылки к рекомендациям международных организаций в законодательстве, в судебной практике, в международных договорах. *Косвенное влияние* ММП, в свою очередь, означает его действие через нормы внутреннего или международного права (способствует уточнению содержания международных договоров, влияет на разработку правовых актов и др.). Данное деление позволяет рассмотреть специфику ММП в качестве особого нормативного регулятора.

Прямое влияние ММП на внутригосударственные отношения.

Практически все государства не определяют в текстах своих конституций нормативные основы действия международных неправовых актов. Несмотря на это в зарубежном законодательстве устанавливается возможность, необходимость и целесообразность применения ММП, что подтверждается наличием разнообразных *отсылок к международным неправовым актам*. Наличие подобных ссылок способствуют обогащению внутригосударственной практики особыми специфическими правилами поведения. Обратимся к конкретным примерам.

В Республике Молдова провозглашается принятие законов: «в целях обеспечения четкой юридической основы по охране и защите национального археологического наследия, соответствующей положениям конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО и Совета Европы»; «в целях ... обеспечения адекватной правовой базы для возведения и охраны этого типа памятников, согласованной с положениями конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО и Совета Европы» [24; 25].

В пункт 4 статьи 3 УИК РФ 1997 г. предусмотрено, что рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей [26].

Согласно пункту 1 статьи 6 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» 2001 г., операция с

денежными средствами или иным имуществом подлежит обязательному контролю, в частности, если «хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо ... которое (которая) не выполняет рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), либо если указанные операции проводятся с использованием счета в банке, зарегистрированном в указанном государстве (на указанной территории)» [27].

Рекомендации международных организаций наряду с международными договоренностями упоминаются во многих стратегиях, доктринах, концепциях и т.п. актах. В соответствии с Концепцией государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию 2014 г., государственная политика Российской Федерации в сфере содействия международному развитию осуществляется с учетом основных документов ООН, в том числе положений Устава ООН, Декларации тысячелетия ООН, Монтеррейского консенсуса Международной конференции по финансированию развития, Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию («Йоханнесбургский план выполнения решений»), Итогового документа Всемирного саммита 2005 года, Итогового документа Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим», а также с учетом положений Парижской Декларации по повышению эффективности внешней помощи, Аккрской программы действий, Пусанского плана партнерства в целях эффективного сотрудничества в области развития, Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года и Санкт-Петербургской стратегии развития 2013 года (пункт 2) [28].

Отдельно следует отметить нормативные правовые акты, касающиеся необходимости соблюдения ММП должностными лицами органов государственной власти. Возлагается обязанность учитывать рекомендации международных организаций или приводить национальное законодательство в соответствие с международными неправовыми актами.

К примеру, в Указе Президента Республики Казахстан государственным органам и организациям поручено усилить контроль за выполнением международных договоров Республики Казахстан, решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и достигнутых договоренностей (пункт 2) [29].

В силу пункта 8 Положения об Агентстве по авторским правам Азербайджанской Республики, утвержденного указом Президента Республики, Агентство, среди прочего, в установленном законодательством порядке принимает меры для учета решений и рекомендаций ВОИС и ЮНЕСКО по вопросам интеллектуальной собственности [30].

Федеральная аэронавигационная служба РФ (с 2005 по 2009 г.) осуществляла разработку отраслевых нормативных актов, определяющих порядок использования системы ГЛОНАСС, функциональных дополнений и аппаратуры спутниковой навигации с учетом рекомендаций Международной организации гражданской авиации (ИКАО) [31]. В Положении о расследовании аварий или инцидентов на море говорится о том, что оно соответствует не только федеральным актам и международным договорам Российской Федерации, но учитывает и резолюции Ассамблеи Международной морской организации (ИМО), Комитета по безопасности на море ИМО (пункт 1) [32].

Наибольшее распространение в национальных правовых системах получила практика учета ММП *для аргументации формулируемых судами правовых позиций и выводов.*

В решении, вынесенном Конституционным Судом Испании 30 ноября 2000 г. по жалобе защитника народа (*el Defensor del Pueblo*) [33], осуществлялась проверка конституционности понятия права на защиту персональных данных, закрепленное в органическом законе о защите персональных данных. Судом были приняты во внимание «Руководящие принципы регламентации компьютеризованных картотек, содержащих данные личного характера» 1990 г., закрепляющие, в частности, принципы, касающиеся минимальных гарантий, которые должны быть воплощены в национальных законодательствах. Опираясь на данный акт ММП, Суд сослался на запрет на вмешательство в чью-либо частную сферу и на использование любых анкетных данных, незаконно полученных через такое вмешательство, возлагаемый на частные и государственные структуры. В итоге оспариваемый акт был признан неконституционным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П Суд указал на то, что одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц.

Его позиция, в частности, была подкреплена ссылкой на пункт 13 приложения к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 12 мая 2004 г. Rec (2004) 6 «О повышении эффективности внутренних средств правовой защиты» [34].

Порою ММП выступает едва ли не единственным средством регулирования. Другими словами, основанием принятия во внимание ММП может быть не только специфика международных отношений, обуславливающая выбор способа регулирования (через политические договоренности, международные соглашения, рекомендации международных организаций), а возможность *при помощи ММП восполнить пробелы в правовом регулировании*. Сказанное подтверждается решением Верховного Суда Кипра, вынесенным 24 марта 1984 г. В данном разбирательстве, при отсутствии на тот момент каких-либо доступных дефиниций понятия «инвалидность» во внутреннем праве, в международных правовых актах, суд обратился к «Декларации о правах инвалидов» 1975 г. С ее помощью было вынесено новое решение [35].

Годом ранее в судебном процессе «Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesian Industrial» американский суд с целью толкования термина «свободное объединение» использовал Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Принципы, которыми государства-члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73-й Устава» 1960 г. [36]

Реализация судебными органами ММП не случайна: *ММП отражает текущие тенденции регулирования, способствует становлению международного обычая*. На это было обращено внимание Верховным Судом Канады в решении от 4 июня 1998 г., в котором отмечается, что на протяжении 1980-х и 1990-х годов международные усилия бороться с незаконным оборотом наркотиков были включены в качестве пункта повестки дня Генеральной Ассамблеи на каждой ее сессии, и на каждой сессии Генеральная Ассамблея принимала резолюции по данному вопросу. Эти резолюции, указывалось далее, не являются юридически обязательными для государств-членов, но они ясно и твердо указывают на взгляды ООН и ее членов. Резолюции по контролю за незаконным оборотом наркотиков последовательно содержат выражение крайней озабоченности проблемой и осуждение тех, кто ответственен за их сохранение и непрерывный рост (пункт 116) [37].

В решении Верховного Конституционного Суда Египта от 5 августа 1995 г. предметом рассмотрения являлись национальные нормы, ущемляющие трудовые права лиц с ограниченными возможностями. Судом были приняты во внимание акты ММП. Отмечалось, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не обязательны для государств, однако обладают моральным и политическим весом и действуют как доказательство текущей тенденции и в этом отношении показывают, что международное сообщество движется в направлении большего признания прав инвалидов, того, что не может быть игнорировано национальными органами власти [38].

Косвенное влияние ММП на внутригосударственные отношения

Оно происходит совместно с правовыми нормами, в частности, с нормами международного права. Как известно, имплементации правил международного обычая, общепризнанных принципов международного права, препятствует их неписаный характер. Обычно решение рассматриваемой проблемы видится в необходимости проведения аналитической работы либо во внесении изменений в законодательство.

Так, в Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» 2014 г. предусмотрено изложение позиции Конституционного Суда о документах, принятых (изданных) иностранными государствами, международными организациями и (или) их органами и затрагивающих интересы Республики, в части соответствия этих документов общепризнанным принципам и нормам международного права (глава 22 Закона, статьи 148–152) [39]. Подобное предложение вправе внести в Конституционный Суд Президент, палаты высшего законодательного органа страны – Национального собрания Республики Беларусь (Палата представителей и Совет Республики), Правительство (Совет Министров Республики). По результатам рассмотрения дела Суд принимает решение, в котором излагает свою позицию относительно соответствия проверенного документа общепризнанным принципам и нормам международного права, доводы, положенные в ее основу. При этом в решении могут содержаться предложения государственным органам,

иным организациям, должностным лицам о принятии в соответствии с их компетенцией соответствующих мер, в том числе при регламентации вопросов, сходных с содержащимися в проверенном документе.

Одним из способов доказательства наличия указанных норм международного права является изучение международных неправовых актов, в частности, рекомендаций международных организаций, которые могут воспроизводить содержание юридических норм. На этот счет в национальных правовых системах даны специальные разъяснения для правоприменителей.

В Своде права внешних сношений Соединенных Штатов 1987 г., используемом американскими судьями при отправлении правосудия, говорится что резолюции универсальных международных организаций могут рассматриваться в качестве общего обычного права, когда они: не противоречат друг другу, приняты в форме консенсуса, подкреплены деятельностью Комиссии международного права ООН или другими серьезными проверками, касаются толкования Устава ООН главными органами Организации). Далее поясняется, что даже единодушно принятая резолюция может быть подвергнута сомнению, если голосуя за нее, государства рассматривают ее исключительно как рекомендацию или политическое действие, не придают ей серьезного юридического обоснования. К тому же резолюция имеет небольшое значение, если она противоречит государственной практике либо отклонена международными судами или трибуналами (§ 103, comment «с», reporters note 2) [40].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» 2003 г. содержание общепризнанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах ООН и ее специализированных учреждений (пункт 1) [41].

По справедливому утверждению П.Н. Бирюкова, «в последнее время в правовой системе нашего государства отмечается все более широкое использование решений международных органов по правам человека в качестве подтверждения наличия общепризнанных принципов и норм международного права» [42, С. 44]. В Российской Федерации таковыми, в частности, признаются положения «Всеобщей декларации прав человека», «Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными», утвержденных Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. [43]

Следование рекомендациям международных организаций может быть вызвано не только необходимостью доказательства их существования, но и быть обусловлено самим характером международно-правовой нормы: общие положения, целевые установки в большинстве своем требуют их дальнейшую конкретизацию, детализацию правилами ММП применительно к специфике спора.

О необходимости четких, формально-определенных положений ММП для регулирования общественных отношений во внутригосударственной сфере свидетельствует дело «Flores v. Southern Peru Copper Corporation» (2003 г.), в котором суд отказал заявителям на том основании, что приведенным ими в обоснование своей позиции «Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию» 1992 г. и «Всемирная хартия природы» 1982 г. носят общий характер и не содержат правил поведения [44].

В решении Гаагского окружного суда (Нидерланды) от 7 сентября 2005 г. при толковании «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 г. была принята во внимания Общая рекомендация № 23 (1997 г.) Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин [45]. В ней предусматривается, что право женщин голосовать на всех выборах и референдумах и быть избранными должно быть осуществимо как де-юре, так и де-факто; что правительствам следует поощрять политические партии и профессиональные союзы в обеспечении равных возможностей для женщин на практике состоять на публичных должностях и быть представленными в качестве кандидатов для избрания; и др.

Конституционный Суд РФ в одном из постановлений отметил, что «учитывая общепризнанный международно-правовой принцип независимости суда, следует иметь в

виду, что, конкретизируя его, Венская декларация и программа действий, принятая на II Всемирной конференции по правам человека (июнь 1993 г.), содержит конкретизирующее его положение о необходимости надлежащего финансирования учреждений, занимающихся отправлением правосудия» [46].

В Решении Верховного Суда РФ от 2 марта 2009 г. № ГКПИ09-36 истец оспаривал утвержденный Правительством РФ «Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин». По его мнению, нормы последнего противоречили Конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» 1958 г. и трудовому законодательству, т.к. нарушали ее конституционное право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. В ходе судебного разбирательства Суд пришел к выводу о необоснованности ссылки заявителя на данную Конвенцию, поскольку ее пункт 2 статьи 1 не относит к дискриминации всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определенной работой. Для того, чтобы придать норме более конкретный для данного спора характер, Суд привел декларацию Генеральной Ассамблеи ООН «О ликвидации дискриминации в отношении женщин» от 7 ноября 1967 г., которая уточняет, что «меры, принятые для защиты женщин на определенных видах работы, с учетом физиологических особенностей их организма, не должны считаться дискриминационными» (пункт 3 статьи 10) [47].

Результаты

Таким образом, использование ММП органами государственной власти, физическими и юридическими лицами, можно рассматривать в качестве специфического средства правового регулирования, которое способствует имплементации международного права во внутригосударственные правовые системы, регулированию общественных отношений.

В завершение следует отметить, что приведенные выше тенденции касались мирного сосуществования международных правовых и международных неправовых актов. Однако реальность межгосударственных отношений такова, что возможны ситуации, когда заложенные в указанных актах нормы и обязательства предусматривают, по сравнению с международным правом, регулирование кардинально иное. Иными словами, не исключен *конфликт между предписаниями международного права и положениями ММП* (в данном случае речь идет прежде всего о международных политических обязательствах).

Подобные тенденции не представляют собой исключительно теоретический интерес, а находят подтверждение в межгосударственной практике. Одним из таких примеров является нормативное закрепление в ряде актов ММП, в частности в «Итоговом документе Всемирного саммита ООН» 2005 г., неоднозначной международной концепции «Ответственность за защиту» («Responsibility to protect»). И хотя международное право нормативно устанавливает принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, сторонниками указанной концепции отстаивается тезис о допустимости использования принудительных мер в отношении правительств, не обеспечивающих защиту прав своих граждан, если Советом Безопасности ООН такое решение не принято [48]. Подобные действия формируют практику поведения, противоречащую основным принципам международного права.

В этой связи возникает вопрос о тех способах реагирования международного права, которые надлежит выработать субъектам международного права в XXI веке на подобные действия, не отвечающие интересам всего мирового сообщества. Его разрешение затрудняет то обстоятельство, что государства свободны в выборе форм внешнего выражения принимаемых ими обязательств. Наличие мер международно-правовой ответственности также не гарантирует возможности надлежащего соблюдения международного права. Следует полностью согласиться с Ю.М. Колосовым в том, что «обязанность строгого соблюдения норм международного права сама по себе – не панацея от случаев их нарушения. ... Опасность всякого конфликта для всеобщего мира и безопасности заставляет задуматься над путями повышения эффективности международного права» [49, С. 86].

Названная проблема является многогранной и выходит за рамки тематики представленной статьи. Вместе с тем представляется несомненным тот факт, что в качестве обязательного требования, предъявляемого к функционированию ММП, надлежит

рассматривать его непротиворечие императивным нормам международного права, которые являются основой и системообразующим фактором не только международного права, а всей международной нормативной системы [50, С. 9]. Очевидно, что в ее решении должно быть заинтересовано международное сообщество.

Заключение

Таким образом, что использование международных неправовых актов в нарушение норм международного права присуще сфере международных отношений. Обращение к ММП в правовых системах государств обычно не противоречит и не выходит за границы общего процесса национально-правовой имплементации международного права, а является собой его часть. Вместе с тем представителями науки международного права, отраслевых юридических дисциплин, не уделено должного внимания вопросу реализации ММП в правовых системах государств.

Учитывая возрастающую роль ММП в регулировании национальных отношений, текущую обширную, прежде всего судебную, внутригосударственную практику, наличие определенной связи между ММП и международным правом, являющимся частью национальных правовых систем, данная область исследований представляется весьма актуальной с точки зрения развития системы международного права в XXI веке.

Примечания

1. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997.
2. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. 2-е изд. М.: Дело, 1999.
3. Blutman L. In the Trap of a Legal Metaphor: International Soft Law // *International and Comparative Law Quarterly*. 2010. Vol. 59. Issue 3.
4. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law // *Leiden Journal of International Law*. 2012. Vol. 25. Issue 02.
5. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : дисс. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000.
6. Сандровский К.К. Политическое и правовое регулирование современных международных отношений (взаимодействие международных политических и правовых норм) // *Вестн. Киев. ун-та. Сер. международные отношения и международное право*. 1987. Вып. 24.
7. Марочкин С.Ю. Некоторые черты и тенденции развития международного права в начале XXI века // *Российский ежегодник международного права*, 2008. СПб. : Россия-Нева, 2009.
8. Marochkin S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives // *Chinese Journal of International Law*. 2009. Vol. 8. № 3.
9. О современных тенденциях международно-правового регулирования см. также: Галенская Л.Н. Тенденции развития правового регулирования международных отношений в XXI веке // *Международные отношения и право: взгляд в XXI век : материалы конф. в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред.: Бахин С.В.* СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009.
10. Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы. М. : Волтерс Клувер, 2008.
11. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
12. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П // *ВКС*. 2012. № 5.
13. Даниленко Г.М., Чарни Дж.И. Создание международного права и согласие государств // *Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны : сб. статей / Отв. ред. Л. Дэврош и Г. Даниленко*. М. : Спарк, 1996.

14. Guzman A.T. The Design of International Agreements // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. No 4.
15. Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. No 2.
16. Rosenne Sh. *The Perplexities of Modern International Law*. Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
17. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // *Журнал российского права*. 2013. № 8.
18. Капустин А.Я. *Международное право и вызовы XXI века* // *Журнал российского права*. 2014. № 7.
19. Халафян Р.М. Влияние «мягкого права» на международную правовую систему // *Академический юридический журнал*. 2012. № 2 (48).
20. Колодкин Р.А. *Международные рекомендательные нормы (на примере резолюций-рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН) : дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1986.*
21. Schreuer Ch. *International Law in Municipal Law: Law and Decisions of International Organizations and Courts* // *Encyclopedia of Public International Law, Instalment 10 / ed. by R. Bernhardt*. North-Holland, Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V., 1987.
22. *International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion / ed. by Dinah Shelton*. New York : Oxford University Press, 2011.
23. Лукашук И. И. *Глобализация, государство, право, XXI век*. М. : Спарк, 2000.
24. Об охране археологического наследия : закон Республики Молдова от 17 сент. 2010 г. № 218 (с изм. от 30.07.2015) // *Monitorul Oficial*. 2010. Nr. 235–240. Ст.738; 2015. Nr. 223. Ст. 443.
25. О памятниках, возведенных в общественных местах : закон Республики Молдова от 30 сент. 2011 г. № 192 // *Monitorul Oficial*. 2011. Nr. 197–202. Ст. 569.
26. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. от 13.07.2015) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 2. Ст. 198; 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4386.
27. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (с изм. от 29.06.2015) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418; 2015. № 27. Ст. 4001.
28. Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию : указ Президента Российской Федерации от 20 апр. 2014 г. № 259 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 17. Ст. 2036.
29. О вопросах подготовки информации о выполнении международных договоров Республики Казахстан и представления ее на рассмотрение Президента Республики Казахстан, а также согласования проектов решений международных организаций, участницей которых является Республика Казахстан, и их реализации, подготовки международных мероприятий Республики Казахстан с участием Президента Республики Казахстан, выполнения достигнутых договоренностей и взаимодействия с международными судебными органами : Указ Президента Республики Казахстан от 12 авг. 2010 г. № 1037 от 12 авг. 2010 г. № 1037 (с изм. от 18.05.2015) // *Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан*. 2010. № 46. Ст. 416; 2015. № 29–30. Ст.191.
30. Об утверждении Положения об Агентстве по авторским правам Азербайджанской Республики : указ Президента Азербайджанской Республики от 30 авг. 2005 г. № 287 (с изм. от 28.10.2013) // *Собрание законодательства Азербайджанской Республики*. 2005. № 8. Ст. 719; 2013. № 10. Ст. 1157.
31. Об утверждении Положения о полномочиях федеральных органов исполнительной власти по поддержанию, развитию и использованию глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в интересах обеспечения обороны и безопасности государства, социально-экономического развития Российской Федерации и расширения международного сотрудничества, а также в научных целях : постановление Правительства

Российской Федерации от 30 апр. 2008 г. № 323 (с изм. от 29.12.2014) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

32. Об утверждении Положения о расследовании аварий или инцидентов на море : приказ Минтранса России от 8 окт. 2013 г. № 308 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 14. 7 апр.

33. Sentencia 292/2000, de 30 de noviembre de 2000 del Tribunal Constitucional. Recurso de inconstitucionalidad respecto de los arts. 21.1 y 24.1 y 2 de la Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal // URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=OCBoQFjAAahUKEwi-vsTdyZzJAhUi_HIKHcsPAVQ&url=https%3A%2F%2Fwww.agpd.es%2FportalwebAGPD%2Fcanaldocumentacion%2Fsentencias%2Ftribunal_constitucional%2Fcommon%2Fpdfs%2FSentencia292.pdf&usg=AFQjCNGkLVa6dsZYl79oYnvbZaxOryNlCg&cad=rjt

34. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244¹ и пункта 1 части первой статьи 244⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 г. № 14-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

35. Constantinou v Cyprus, Judicial Review Decision, Case No 302/80 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 917 (CY 1984) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

36. Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesian Industrial, 720 F. 2d 595 (1983) // URL: http://openjurist.org/720/f2d/595/bowoon-sangsa-co-ltd-mt-bowoon-sangsa-co-ltd-v-micronesian-industrial-corporation#fn7_ref

37. Pushpanathan v Canada (Minister of Citizenship and Immigration), Appeal to Supreme Court, (1998) 1 SCR 982 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. – 182 (CA 1998) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

38. Office of the Prosecutor V Priebke, Ordinary Appeal Judgment, Request of Extradition, P/457/XXXI // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 1599 (AR 1995) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

39. О конституционном судопроизводстве : закон Республики Беларусь от 8 янв. 2014 г. № 124-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2014. 2/2122. 16 янв.

40. Restatement of the Law, Third, Foreign Relations Law of the United States, 1987 // URL: <http://www.ali.org/>

41. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 (с изм. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12; 2013. № 5.

42. Бирюков П. Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: Теоретические проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001.

43. По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2006 г. № 378-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.

44. Flores v. Southern Peru Copper Corporation, 343 F. 3d 140 (2003) // URL : http://openjurist.org/343/f3d/140/flores-v-southern-peru-copper-corporation#fn40_ref

45. Test Trial Fund Clara Wichmann and ors v Netherlands, First instance decision, No HA ZA 03/3395; LJN: AU2088 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 221 (NL 2005) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

46. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 год» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации

Федерации от 17 июля 1998 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 6.

47. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2009 г. № ГКПИ09-36 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Пример взят из работы: Велижанина М.Ю. Проблемные вопросы концепции «мягкого права» // Роль международных и внутригосударственных рекомендательных актов в правовой системе России : материалы «круглого стола» с международным участием (г. Иркутск, 26 апреля 2013 г.) // Отв. ред. А.А. Петров, Р.М. Халафян. Иркутск, 2013.

49. Колосов Ю.М. Некоторые современные вопросы международного права // Советское государство и право. 1990. № 11.

50. Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Отв. ред. И.И. Лукашук. М. : Наука, 1989.

References:

1. Lukashuk I.I. Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoj normativnoj sisteme. M. : Spark, 1997.

2. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnye organizacii i pravo. Novye tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii. 2-e izd. M. : Delo, 1999.

3. Blutman L. In the Trap of a Legal Metaphor: International Soft Law // International and Comparative Law Quarterly. 2010. Vol. 59. Issue 3.

4. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law // Leiden Journal of International Law. 2012. Vol. 25. Issue 02.

5. Mingazov L.H. Jeffektivnost' norm mezhdunarodnogo prava: teoreticheskie problemy : dis. ... dokt. jurid. nauk. Kazan', 2000.

6. Sandrovskij K.K. Politicheskoe i pravovoe regulirovanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij (vzaimodejstvie mezhdunarodnyh politicheskikh i pravovyh norm) // Vestn. Kiev. un-ta. Ser. mezhdunarodnye otnoshenija i mezhdunarodnoe pravo. 1987. Vyp. 24.

7. Marochkin S.Ju. Nekotorye cherty i tendencii razvitija mezhdunarodnogo prava v nachale XXI veka // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 2008. SPb. : Rossija-Neva, 2009.

8. Marochkin S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives // Chinese Journal of International Law. 2009. Vol. 8. № 3.

9. O sovremennyh tendencijah mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija sm. takzhe: Galenskaja L.N. Tendencii razvitija pravovogo regulirovanija mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke // Mezhdunarodnye otnoshenija i pravo: vzgljad v XXI vek : materialy konf. v chest' professora L.N. Galenskoj / Pod red.: Bahin S.V. S.-Pb. : Izdat. Dom S.-Peterb. goS. un-ta, 2009.

10. Bezborodov Ju.S. Mezhdunarodnye model'nye normy. M. : Volters Kluver, 2008.

11. Javich L.S. Sushhnost' prava. Social'no-filosofskoe ponimanie genezisa, razvitija i funkcionirovanija juridicheskoj formy obshhestvennyh otnoshenij. L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1985.

12. Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 1 i 2 stat'i 29, punkta 2 stat'i 31 i stat'i 32 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki I.B. Delovoj : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 ijunja 2012 g. № 15-P // VKS. 2012. № 5.

13. Danilenko G.M., Charni Dzh.I. Sozdanie mezhdunarodnogo prava i soglasie gosudarstv // Vne konfrontacii. Mezhdunarodnoe pravo v period posle holodnoj vojny : sb. statej / Отв. ред. L. Djemrosh i G. Danilenko. M. : Spark, 1996.

14. Guzman A.T. The Design of International Agreements // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No 4.

15. Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // American Journal of International Law. 2006. Vol. 100. No 2.

16. Rosenne Sh. The Perplexities of Modern International Law. Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2004.

17. Vlasenko N.A. Krizis prava: problemy i podhody k resheniju // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8.

18. Kapustin A.Ja. Mezhdunarodnoe pravo i vyzovy XXI veka // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 7.

19. Halafjan R.M. Vlijanie «mjagkogo prava» na mezhdunarodnuju pravovuju sistemu // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2012. № 2 (48).
20. Kolodkin R.A. Mezhdunarodnye rekomendatel'nye normy (na primere rezolucij-rekomendacij General'noj Assamblei OON) : dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1986.
21. Schreuer Ch. International Law in Municipal Law: Law and Decisions of International Organizations and Courts // Encyclopedia of Public International Law, Instalment 10 / ed. by R. Bernhardt. North-Holland, Amsterdam : Elsevier Science Publishers B.V., 1987.
22. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion / ed. by Dinah Shelton. New York : Oxford University Press, 2011.
23. Lukashuk I. I. Globalizacija, gosudarstvo, pravo, XXI vek. M. : Spark, 2000.
24. Ob ohrane arheologicheskogo nasledija : zakon Respubliki Moldova ot 17 sent. 2010 g. № 218 (s izm. ot 30.07.2015) // Monitorul Oficial. 2010. Nr. 235–240. St.738; 2015. Nr. 223. St. 443.
25. O pamjatnikah, vozvedennyh v obshhestvennyh mestah : zakon Respubliki Moldova ot 30 sent. 2011 g. № 192 // Monitorul Oficial. 2011. Nr. 197–202. St. 569.
26. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 8 janv. 1997 g. № 1-FZ (s izm. ot 13.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1997. № 2. St. 198; 2015. № 29 (ch. I). St. 4386.
27. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma : federal'nyj zakon ot 7 avg. 2001 g. № 115-FZ (s izm. ot 29.06.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 33 (ch. I). St. 3418; 2015. № 27. St. 4001.
28. Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiju : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20 apr. 2014 g. № 259 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 17. St. 2036.
29. O voprosah podgotovki informacii o vypolnenii mezhdunarodnyh dogovorov Respubliki Kazahstan i predstavlenija ee na rassmotrenie Prezidenta Respubliki Kazahstan, a takzhe soglasovanija proektov reshenij mezhdunarodnyh organizacij, uchastnicej kotoryh javljaetsja Respublika Kazahstan, i ih realizacii, podgotovki mezhdunarodnyh meroprijatij Respubliki Kazahstan s uchastiem Prezidenta Respubliki Kazahstan, vypolnenija dostignutyh dogovorennostej i vzaimodejstvija s mezhdunarodnymi sudebnymi organami : Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 12 avg. 2010 g. № 1037 ot 12 avg. 2010 g. № 1037 (s izm. ot 18.05.2015) // Sobranie aktov Prezidenta Respubliki Kazahstan i Pravitel'stva Respubliki Kazahstan. 2010. № 46. St. 416; 2015. № 29–30. St.191.
30. Ob utverzhdenii Polozhenija ob Agentstve po avtorskim pravam Azerbajdzhanskoj Respubliki : ukaz Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 30 avg. 2005 g. № 287 (s izm. ot 28.10.2013) // Sobranie zakonodatel'stva Azerbajdzhanskoj Respubliki. 2005. № 8. St. 719; 2013. № 10. St. 1157.
31. Ob utverzhdenii Polozhenija o polnomochijah federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti po podderzhaniju, razvitiju i ispol'zovaniju global'noj navigacionnoj sputnikovoj sistemy GLONASS v interesah obespechenija oborony i bezopasnosti gosudarstva, social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii i rasshirenija mezhdunarodnogo sotrudnichestva, a takzhe v nauchnyh celjah : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 apr. 2008 g. № 323 (s izm. ot 29.12.2014) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
32. Ob utverzhdenii Polozhenija o rassledovanii avarij ili incidentov na more : prikaz Mintransa Rossii ot 8 okt. 2013 g. № 308 // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2014. № 14. 7 apr.
33. Sentencia 292/2000, de 30 de noviembre de 2000 del Tribunal Constitucional. Recurso de inconstitucionalidad respecto de los arts. 21.1 y 24.1 y 2 de la Ley Orgánica 15/1999, de 13 de diciembre, de Protección de Datos de Carácter Personal // URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=OCBoQFjAAahUKEwi-vsTdyZzJAhUi_HIKHcsPAvQ&url=https%3A%2F%2Fwww.agpd.es%2FportalwebAGPD%2Fcanaldocumentacion%2Fsentencias%2Ftribunal_constitucional%2Fcommon%2Fpdfs%2FSentencia292.pdf&usq=AFQjCNGkLVa6d sZYl79oYnvnZaxOryNICg&cad=rjt
34. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti 1 stat'i 1, punkta 1 chasti 1, chastej 6 i 7 stat'i 3 Federal'nogo zakona «O kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok», chastej pervoj i chetvertoj

stat'i 2441 i punkta 1 chasti pervoj stat'i 2446 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki A.E. Popovoj : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 ijunja 2013 g. № 14-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2013. № 6.

35. Constantinou v Cyprus, Judicial Review Decision, Case No 302/80 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 917 (CY 1984) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

36. Bowoon Sangsa Co Ltd M/t Bowoon Sangsa Co Ltd v. Micronesian Industrial, 720 F. 2d 595 (1983) // URL: http://openjurist.org/720/f2d/595/bowoon-sangsa-co-ltd-mt-bowoon-sangsa-co-ltd-v-micronesian-industrial-corporation#fn7_ref

37. Pushpanathan v Canada (Minister of Citizenship and Immigration), Appeal to Supreme Court, (1998) 1 SCR 982 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. – 182 (CA 1998) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

38. Office of the Prosecutor V Priebe, Ordinary Appeal Judgment, Request of Extradition, P/457/XXXI // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 1599 (AR 1995) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

39. O konstitucionnom sudoproizvodstve : zakon Respubliki Belarus' ot 8 janv. 2014 g. № 124-Z // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. 2014. 2/2122. 16 janv.

40. Restatement of the Law, Third, Foreign Relations Law of the United States, 1987 // URL: <http://www.ali.org/>

41. O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10 okt. 2003 g. № 5 (s izm. ot 05.03.2013) // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 12; 2013. № 5.

42. Birjukov P. N. Mezhdunarodnoe ugolovno-processual'noe pravo i pravovaja sistema Rossijskoj Federacii: Teoreticheskie problemy : dis. ... dokt. jurid. nauk. Voronezh, 2001.

43. Po zhalobe grazhdanina Vladimirceva Aleksandra Ivanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastjami shestoj i vos'moj stat'i 82 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 12 ijulja 2006 g. № 378-O // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2007. № 2.

44. Flores v. Southern Peru Copper Corporation, 343 F. 3d 140 (2003) // URL : http://openjurist.org/343/f3d/140/flores-v-southern-peru-copper-corporation#fn40_ref

45. Test Trial Fund Clara Wichmann and ors v Netherlands, First instance decision, No HA ZA 03/3395; LJN: AU2088 // Oxford Reports on International Law in Domestic Courts. 221 (NL 2005) // URL: <http://opil.ouplaw.com/home/ORIL>

46. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stat'i 102 Federal'nogo zakona «O federal'nom bjudzhetе na 1998 god» : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17 ijulja 1998 g. № 23-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1998. № 6.

47. Reshenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 marta 2009 g. № GKPI09-36 // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».

48. Primer vzjat iz raboty: Velizhanina M.Ju. Problemnye voprosy koncepcii «mjagkogo prava» // Rol' mezhdunarodnyh i vnutrigosudarstvennyh rekomendatel'nyh aktov v pravovoj sisteme Rossii : materialy «kruglogo stola» s mezhdunarodnym uchastiem (g. Irkutsk, 26 aprelja 2013 g.) // Otv. red. A.A. Petrov, R.M. Halafjan. Irkutsk, 2013.

49. Kolosov Ju.M. Nekotorye sovremennye voprosy mezhdunarodnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 11.

50. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 2. Osnovnye principy mezhdunarodnogo prava / Otv. red. I.I. Lukashuk. M. : Nauka, 1989.

УДК 341

О национальной реализации норм международного «мягкого права»

Рустам Мартикович Халафян

Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского,
Российская Федерация
664003, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Горького, 31
Старший научный сотрудник
E-mail: rustam_halafyan@mail.ru

Аннотация. Взаимовлияние международного права и международного «мягкого права» происходит не только в международных, но также и во внутригосударственных отношениях. В статье на примере государств Европы, Северной Америки и отдельных государств-участников Содружества Независимых Государств рассматриваются основные способы влияния международного «мягкого права» на внутригосударственные отношения: прямое (посредством специальных отсылок к нему в законодательстве, международных договорах, судебных решениях) и косвенное (в качестве вспомогательного средства к правовым нормам). Международное «мягкое право» используется, прежде всего в судебной практике. Оно позволяет судьям аргументировать их решения, истолковать и конкретизировать правовую норму и др. Обосновывается вывод, что использование международного «мягкого права» в национальных правовых системах способствует имплементации международного права. В этой связи подчеркивается необходимость проведения дальнейших исследований по теме. На основе анализа государственной практики автор ставит вопрос о международном «мягком праве» как о специфическом нормативном регуляторе, в том числе внутригосударственных отношений.

Ключевые слова: международное право, международное «мягкое право», внутригосударственные отношения, нормативные правовые акты, суды.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 103-109, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.103

<http://ejournal41.com>

UDC 347.42

Issue of Responsibility for Lacks of the Goods, Works or Services under US Legislation

¹Nikolay N. Nadezhin

²Roman V. Khalin

¹The Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Russian Federation

PhD (jurisprudence), Assistant Professor

Belgorod, Gorky Street, 71

E-mail: ar_shadow@mail.ru

²The Belgorod University of Cooperation, Economy and Law, Russian Federation

Belgorod, Sadovaay Street, 116a

E-mail: roman.khalin@mail.ru

Abstract

The article deals with the features of consumers' legal protection in the US civil legislation. It results the system of civil-law methods of consumer's protection which is presented by three basic concepts. Each of these theories takes the place in the system of protection methods of the consumers' rights in the US law. Besides, the authors conduct distinction between concepts directed on protection of the consumers' rights. The article also analyzes the problems of the rather-legal analysis with adjustment of corresponding relations in the US law that it can differ regional features of law system in each state.

Keywords: responsibility, right of defense, guarantee, quality, manufacturer, consumer.

Введение

В США институт ответственности за недостатки товаров, работ, услуг (деликтной ответственности) получил свое развитие. Начало формирования его как самостоятельного института относится ко второй половине XIX столетия. В начале XX столетия правовая система США на фоне экономического роста стала более лояльна в своей позиции по вопросу ответственности производителя и продавца продукции за вред, причиненный третьим лицам (не приобретавших у них данный товар). Вопрос правовой защиты лиц, пострадавших от недоброкачественной продукции, приобрел актуальность, несмотря на концептуальное противоречие с институтом договорной ответственности.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе анализа действующего законодательства США, практики судов США, научной литературы.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: историко-правовой, сравнительно-правовой, нормативно-логический, технико-юридический, системно-структурный, комплексного исследования и другие в их разнообразном сочетании.

Обсуждение

Система гражданско-правовых способов защиты потребителей в праве США представлена тремя основными теориями: теория нарушения гарантийных обязательств (*contract warranty*); теория небрежности (*negligence theory*); теория абсолютной ответственности (*strict liability*).

Каждая из этих теорий имеет свое место в системе способов защиты прав потребителей в праве США. Рассмотрим их юридическое содержание.

Теория нарушения гарантийных обязательств (contract warranty).

Согласно положениям Единообразного Торгового Кодекса США (*Uniform Commercial Code*) (далее — ЕТК) гарантия — это явно выраженное или подразумеваемое требование, касающееся характера или качества проданного продукта, в рамках договора купли-продажи товаров [1, Р. 69]. Основными моментами, характеризующими данную теорию, являются следующие: а) производитель должен сделать значимые фактические утверждения о качестве или полезности товара с намерением побудить покупателя приобрести его. Источниками информации об этом могут быть рекламные издания, маркировка упаковки изделия и т.п.; б) истец должен полагаться на эти утверждения при приобретении товара; в) истцу должен быть причинен вред его жизни, здоровью или имущественный недостаток приобретенного товара.

Прямая гарантия (ст. 2-313 ЕТК), получившая название в доктрине гарантия высоко спроса (*express warranty*), имеет место в случае, когда: относящееся к товарам утверждение факта или обещания, сделанное продавцом покупателю, стало главной причиной её заключения; описание товара побудило покупателя к её заключению; продавцом представлен образец или модель товара, побудившие покупателя к её заключению [2, Р. 4].

Подразумеваемая гарантия (*implied warranty*) (ст. 2-314 ЕТК) — это гарантия, которая явно не следует из содержания договора, но должна учитываться сторонами при его заключении. Большинство товаров имеют свое общее предназначение. Если продавец является коммерсантом, торгующим товарами данного рода, в договоре купли-продажи предполагается наличие подразумеваемой гарантии о том, что товар пригоден для потребления в соответствии со своим предназначением, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Так, например, приобретение легкового автомобиля предполагает его функциональное предназначение — перевозку 4 пассажиров и ручного багажа. Передача потребителю товара, который не может использоваться по прямому назначению, квалифицируется как нарушение продавцом условий договорного обязательства и возлагает на него ответственность за нарушение предполагаемой гарантии.

Существует несколько типов подразумеваемых гарантий: 1) подразумеваемая гарантия товарной пригодности (*implied warranty of merchantability*); 2) подразумеваемая гарантия пригодности для специфической цели (*warranty of fitness for a particular purpose*) — это гарантия того, что товары способны удовлетворять такую потребность покупателя, которая не относится к тем общим потребностям, которые должны удовлетворяться основными потребительскими свойствами товара [2, Р. 4]. Например, ботинки обычно используются для ходьбы по прямым, проходным дорогам. Однако, при продаже особого вида ботинок, которые имеют специальное целевое предназначение, продавец должен знать, что продаваемая им обувь такого вида должна обеспечивать потребителю возможность её использования для передвижения по горной или иной труднопроходимой местности. В случае, если особые качества специальной обуви будут отсутствовать, ботинки не могут быть признаны соответствующими требованиям данного вида гарантии, несмотря на то, что они полностью соответствуют подразумеваемой гарантии товарной пригодности. Чтобы установить нарушение гарантии пригодности для специфической цели, истец должен также доказать, что во время заключения контракта продавец должен был знать о специальном целевом предназначении продаваемого товара.

Таким образом, система договорных гарантий является общим фундаментальным подходом в праве США для привлечения продавцов некачественных товаров, работ и услуг к

ответственности за вред, причиненный содержащимися в них недостатками. Договорная ответственность за вред, причиненный недостатками товаров, работ или услуг имеет большую историю в праве США, сформировавшую глубоко укоренившееся представление в сознании юридического сообщества США о природе данного вида ответственности, её субъектах и основаниях. Структура состава правонарушения является устоявшимся правовым механизмом, и не было бы необходимости создавать иные механизмы ответственности, если бы не одна существенная концептуальная проблема, связанная с природой договорной ответственности. Юристы стран Европы и США пришли к выводу, что природа договорных отношений (*privity contract nature*) не позволяет обеспечить потребности торгового оборота в силу относительности правовой природы договорных правоотношений. Потребители не вправе заявлять требования о компенсации вреда к виновным в его причинении производителям товаров, работ или услуг, поскольку не заключали с ними договоров купли-продажи вредоносных товаров [2, Р. 6]. Продавцом, как правило, выступали либо торговые агенты производителя, либо полностью независимые от него торговые сети. Данный подход исчерпал свой потенциал. Американская жизнь стала все более и более во власти вызывающего головокружение множества товаров широкого потребления. Это требовало поиска более универсальных способов защиты потребителей. Правовой базой для развития системы защитных мер потребителей стала деликтная ответственность производителей за вред, причиненный недостатками их товаров, работ и услуг.

Теория небрежности (negligence theory).

Общий подход ЕТК в регулировании деликтной ответственности производителей учитывает субъективную оценку действий производителя некачественных товаров, в результате потребления которых был причинен вред потребителям. В праве США, как и в праве Англии, данный подход получил название теория небрежности (*negligence theory*).

В 1916 году Апелляционный суд штата Нью-Йорк, рассматривая дело *Macpherson v. Buick motor Co* [3, Р. 4] о возмещении ущерба, причиненного в результате аварии автомобиля, констатировал наличие оснований деликтной ответственности за ущерб, возникший в связи с использованием автомобилей компании *Buick motor Co*, ввиду установленной в действиях работников компании небрежности при производстве и сборке автомобиля. Пассажиру автомобиля был причинен вред здоровью осколками разбившихся стекол в результате ДТП. Как установил суд, причиной аварии стала небрежность *Buick motor Co*, которая не обеспечила автомобиль небьющимися стеклами, но, действуя как разумное лицо, могла и должна была предвидеть возможность причинения вреда жизни и здоровью водителю и пассажирам автомобиля осколками стекла в случае его повреждения. В 1944 году Верховный суд Калифорнии в деле *Escola v. Coca Cola* [3, Р. 4] признал компанию *Escola* обязанной возместить вред официантке ресторана, которая пострадала от разорвавшейся в ее руках бутылки с напитком *Coca-Cola*. Как утверждала истица, компания *Escola* в процессе розлива напитка в бутылки должна была учитывать возможную опасность от нарушения давления в бутылке с напитком *Coca-Cola*. Свое решение суд мотивировал установленным фактом небрежного отношения ответчика к оценке возможных последствий нарушения технологии розлива газированного напитка в стеклянные бутылки. Как указал суд, дефект товара заключался в нарушении допустимого уровня давления углекислого газа в бутылке, контроль которого является обязанностью компании *Escola*.

Юридическое содержание теории небрежности заключается в том, что законом к изготовителю предъявляются требования проявить разумную заботу при производстве товара, работы или услуги либо сообщить его потребителям информацию о возможных вредоносных последствиях их потребления, а также сообщить о мерах предосторожности и противопоказаниях к применению продукта, чтобы предотвратить неразумный риск причинения вреда потребителю. Как указывает зарубежные авторы [7; 8; 9], производитель признает ответственность перед потребителем, если последний сможет доказать:

1. Наличие обязанности производителя при производстве товара соблюдать меры разумной заботы о потребителе;
2. Нарушение производителем данной обязанности;
3. Причинно-следственную связь между причиненным вредом потребителю и дефектом товара, который стал следствием небрежности производителя.

Действия производителя, направленные на предотвращение вреда, которые должны удовлетворять требованиям разумной заботы, изменяются в зависимости от потенциальных рисков использования соответствующего продукта. Чем выше риск причинения вреда, тем больше степень заботы, которая должна быть проявлена производителем при производстве товара. То есть совокупность действий, направленных на предотвращение вреда, должна быть больше, чтобы «сила действия была равна силе противодействия». Для выявления факта, была ли обязанность изготовителя исполнена в должной мере, суды США устанавливают следующие обстоятельства: был ли продукт должным образом осмотрен и проверен; была ли дана предупреждающая информация на маркировке продукта или в инструкциях по применению; не нарушены ли при продаже продукта установленные требования и ограничения [4, Р. 46].

Предвидимость риска зависит от того, знал ли изготовитель или должен был знать о наличии дефекта во время направления товара в торговый оборот. Большинство судов в США придерживаются позиции о том, что изготовители должны быть экспертами в вопросах технологии производства своих продуктов. Они обязаны не только знать все новейшие изобретения в области производства своих товаров, работ или услуг — контролировать уровень развития науки и техники, но также должны непрерывно исследовать и проверять продукты на скрытые вредоносные дефекты, то есть самостоятельно проводит научные исследования на предмет контроля качества своей продукции.

Особое внимание к данному вопросу было обращено в рамках решений по делам с участием автопроизводителей. Суды в качестве юридического факта, требующего установления по данной категории дел, определяли вопрос о том, обязаны ли производители автомобилей обеспечивать их аварийноустойчивость «crashworthy». Принимая во внимание тот факт, что несчастный случай — это категория, вероятность наступления которого подлежит оценке на основании анализа наличия или отсутствия в товаре тех или иных факторов риска, суды признавали изготовителей ответственными за причиненный потребителям вред на основании проявленной небрежности в случае, если ответчикам удавалось доказать, что незначительные изменения в конструкции автомобиля сократили или предотвратили бы вероятность причинения вреда [4, Р. 46].

Теория безвиновной ответственности (strict liability).

Принципиальным отличием данной теории от иных известных деликтному праву США теорий является утрата юридического значения оценки поведения производителя на предмет какой бы то ни было формы вины в причинении вреда потребителю. В соответствии с параграфом 402 второй редакции Свода деликтного права США (Restatement of Tort) (далее — Свод) [5, Р. 40], любой продавец товара, содержащего в себе недостатки, ставшие причиной нарушения имущественных или неимущественных прав потребителя либо иного лица в виде вреда жизни, здоровью или его имуществу является ответственным за его причинение, если для продавца реализация данного товара является видом его предпринимательской деятельности и есть все основания полагать, что данный товар поступил к конечному потребителю без изменения своего состояния, в котором он был продан. Данное правило применяется независимо от того были ли предприняты все возможные меры, направленные на обеспечение безопасности продукта в процессе его производства или нет [6, Р. 226]. Это правило применяется в случае, когда отсутствует договор между производителем и потребителем товара. Истец освобождается от обязанности доказывания того, что продукт содержал недостаток во время, когда товар был продан, и что этот дефект послужил причиной возникшего у потребителя вреда. В большинстве случаев понятие недостатка товара в продукте толкуется как состояние товара, не позволяющего избежать причинение вреда при принятии потребителем всех разумных мер безопасности при использовании продукта по прямому назначению. Так, например, если автомобильное стекло разбивается и при этом производитель дает потребителю информацию о том, что стекла автомобиля являются небьющимися, автовладелец, действуя в качестве разумного потребителя, вправе ожидать, что стекла не могут быть повреждены при обычной эксплуатации транспортного средства.

Таким образом, обещание производителя, не получающее своего воплощения в процессе эксплуатации товара, является доказательством дефекта товара и является

основанием возложения на него ответственности за вред, причиненный потребителям в результате «обманутых надежд». Безвиновная ответственность может иметь место в случаях, когда производитель не сообщил о мерах предосторожности. Производитель либо продавец товара обязан предупредить обо всех опасных свойствах товара, о которых он знал, либо должен был знать, которые не могли быть определены потребителем в процессе нормального использования товара [9, Р. 70]. Такое требование закона определяет производителя товара или его продавца в качестве специалистов, информированных о технологии производства товара. Данная предупреждающая информация должна быть достаточно подробно изложена и доведена до потребителя. Но при этом нужно понимать, что в праве США теория «strick liability» не означает абсолютную ответственность. При достаточно строгой правовой оценке действий производителя существуют определенные основания освобождения его от ответственности за причиненный потребителям вред. Ответчик может быть освобожден от ответственности если будет доказано, что после того как он продал товар, были произведены конструктивные изменения в составе товара, либо изменен его химический состав, что и послужило причиной возникновения вреда у потребителя. Если риски причинения вреда будут возложены на истца, ответчик будет считаться освобожденным от ответственности за его причинение. В контрактных отношениях проявленная продавцом небрежность не позволит освободить его от ответственности за причиненный вред. Любое лицо, которое приобретало товар у производителя и распространяло его среди потребителей, является потенциальным ответчиком по иску о причинении вреда. К таким лицам относятся: производители товара, поставщики и производители комплектующих изделий, а также дистрибьюторы, распространяющие продукцию среди потребителей. В некоторых штатах суды освобождали от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, дистрибьюторов, которые продавали товары, содержащие на упаковке предупреждающую информацию. Данная практика стала основой для формирования концепции «sealed container doctrine» [7, Р. 31], которая применялась в том случае, когда у продавца не было никаких других возможностей устранить причинение вреда потребителю. Ответчиками в рамках деликтной ответственности за причинение вреда потребителю являются лица, которые в результате своего бездействия не устранили возможность причинения вреда потребителю либо своими действиями не создали гарантии компенсации причиненного вреда. Основаниями для компенсации вреда могут быть условия договора либо прямое предписание закона. В случае, когда два или более участника несут солидарную ответственность за причиненный вред, суд вправе разделить ответственность каждого из них перед потерпевшим. В судебной практике США существует два основных подхода разделения солидарной ответственности:

1. Сумма причиненного вреда делится пропорционально количеству ответчиков;
2. Разделение объема ответственности в зависимости от степени вины каждого в причинении вреда [8, Р. 5].

Система безвиновной ответственности обеспечивает защиту всех потерпевших, то есть не только потребителей, но и членов их семей и третьих лиц, которым был передан этот продукт [10, Р. 10].

Проблемы сравнительно-правового анализа с регулированием соответствующих отношений в праве США состоит в том, что оно может отличаться региональными особенностями правовой системы каждого штата. Вместе с тем для определения общих принципов регулирования исследуемого вида ответственности в праве США в целом следует принять в качестве объекта анализа Свод деликтного права США. Свод является формой неформальной кодификации прецедентного права США в целом, которая проведена Американским институтом права. Несмотря на то, что Свод не имеет прямую силу закона, он очень часто и эффективно используется представителями судебной системы США при рассмотрении споров о компенсации вреда в результате совершенного гражданско-правового деликта, в том числе для разрешения споров о привлечении к ответственности за причинение вреда недостатками товаров, работ или услуг. В настоящее время действует его третья редакция. В параграфе 1 раздела I Свода содержится общая норма о том, что *«Любое лицо, участвующее в продаже либо распространении товаров, то есть продавец или дистрибьютор несет ответственность за личный либо имущественный вред, причиненный потребителю некачественным товаром»*.

Следует обратить внимание на то, что Свод деликтного права более детально регулирует соответствующие отношения, в частности, проводя дифференциацию между различными случаями причинения вреда вследствие дефекта товара. Так, параграф 5 свода регулирует отношения по поводу привлечения производителей дефектных комплектующих соответствующих товаров, наличие которых в товаре стало причиной вреда у потребителей. В параграфе 6 регулируются отношения по поводу привлечения к ответственности продавцов некачественных медицинских препаратов, которыми был причинен вред пациентам. Параграф 7 посвящен ответственности продавцов за причинение вреда потребителям реализуемых ими некачественными продуктами питания, в 8 параграфе отдельно предусматривается ответственность продавцов за вред, причиненный товарами бывшими в употреблении и т.д. При этом речь идет не просто о юридико-техническом выделении отдельных составов правонарушений, а о специальном их регулировании с учетом особенностей каждого вида товара, которые влияют на состав юридически значимых обстоятельств. Так, для продавцов комплектующих изделий юридическое значение имеет вредоносность компонента как такового, вредоносность конечного товара по причине участия продавца комплектующего компонента в разработке проекта или технической документации конечного продукта, что повлияло на выбор решения об использовании вредоносного компонента его производителя (параграф 5 свода). Для продавцов медицинских препаратов и медицинской техники юридическое значение имеют конструктивные и технологические недостатки, а также непредоставление должной информации о противопоказаниях к применению для соответствующей группы пациентов или иной важной информации, отсутствие которой может повлечь причинение вреда неопределенному кругу лиц в результате потребления препарата или использования оборудования (параграф 6 свода). Для продавцов товаров, бывших в употреблении, имеет значение проверка товара на наличие вредоносных дефектов, если товар содержал конструктивный или производственный недостаток, то продавец будет нести ответственность если будет доказано, что он, как разумное лицо, будучи покупателем данного продукта, не имел оснований предполагать, приобретаемый бывший в употреблении товар несет в себе больше рисков причинения вреда, нежели аналогичный новый товар. Также следует отметить, что если продавец вносил конструктивные изменения в товар, то он несет ответственность перед потребителем за любые вредоносные последствия его использования, возникшие по причине внесенных таких изменений, на общих условиях с продавцом новых товаров (параграф 8 свода).

Результаты

В результате исследования можно сделать вывод, что ответственность за вред, причиненный недостатками товаров, работ или услуг в системе внедоговорной гражданско-правовой ответственности США занимает особое место, обусловленное его ролью в защите прав потребителей как особой группы субъектов предпринимательских отношений. Само правовое явление имеет длительную историю своего развития, и за продолжительный период времени правовая система США выработала широкую палитру юридических подходов к оценке правомерности действий производителей или продавцов некачественных товаров.

Заключение

Как видим, главной особенностью правового регулирования ответственности за недостатки товаров, работ или услуг в праве США является высокая степень юридико-технической проработки особенностей товаров, относящихся к разным видам. Это обуславливает необходимость изменения состава юридически значимых обстоятельств для привлечения к ответственности их продавцов за вред, причиненный потребителям, что свидетельствует о высокой степени развития исследуемого вида ответственности в праве США.

Примечания:

1. Uniform Commercial Code // URL:<http://www.law.cornell.edu>.

2. Shwarz / Sabagh, Dr. Peltzer / Dr.Schuecking. Product liability in the USA and German. 2000.
3. Derric Owles, Anthea Worsdall. Product liability casebook/ Colchester Lloyds of London Press Ltd, 1998.
4. Michael Whincup. Sales law and Product Liability, 1999.
5. David G. Owen, John E. Montgomery, Mary J. Davis. Products Liability and Safety. Case and Statutory Supplement. 2008.
6. Michael J. Wagner, Laura L. Peterson. The New Restatement of Torts – Shelter From the Product Liability Storm for Pharmaceutical Companies and Medical Device Manufactures? // Food and Drug Law Journal. 2000. Vol. 53.
7. Peter Cane. Justice and justification for tort liability // Oxford journal of legal studies. Volume 2. № 1.
8. Richard Whitaker. Personal and corporative liability under the new product liability and safety law. 1989.
9. Pamela R., Ferguson. Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies. 1992. Volume 12. № 1.
10. Richard Braddock. Economic impact of revised proposal // The law reform commission, product liability research paper. June 1989. № 2A.

УДК 347.42

Исследование ответственности за недостатки товаров, работ или услуг по законодательству США

¹ Николай Николаевич Надежин

² Роман Васильевич Халин

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Российская Федерация

г. Белгород, ул. Горького, 71

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ar_shadow@mail.ru

² Белгородский университет кооперации, экономики и права, Российская Федерация

г. Белгород, ул. Садовая, 116а

E-mail: roman.khalin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правовой защиты потребителей в гражданском законодательстве США. Приводится система гражданско-правовых способов защиты потребителей, которая представлена тремя основными концепциями. Каждая из этих теорий имеет свое место в системе способов защиты прав потребителей в праве США. Кроме того, представлены различия между концепциями направленными на защиту прав потребителей. Анализируются проблемы сравнительно-правового анализа с регулированием соответствующих отношений в праве США, что оно может отличаться региональными особенностями правовой системы каждого штата.

Ключевые слова: ответственность, право на защиту, гарантия, качество, производитель, потребитель.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 110-115, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.110

<http://ejournal41.com>

UDC 341.73

WTO Law and International Law: the Problem of Relationship

Nataliya Y. Tyurina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation
420061, Kazan, Kremlevskaja, 18
PhD (Law), Assistant Professor
E-mail: tyurina.natal@yandex.ru

Abstract

The article concentrates on the provisions of Marrakesh Agreement, establishing the World Trade Organization, some other multilateral agreements and practical issues of dispute settlement in the WTO, which give understanding of the relationship between the WTO Law and International Law.

Keywords: international law, WTO law, dispute settlement, collision, sanctions.

Введение

Единство целей, принципов, субъектов, предмета и метода регулирования международного торгового права и права ВТО требует рассматривать их как единое целое, которое, в свою очередь, является интегральной частью международного права. Данный подход, как представляется, имеет принципиальное значение для толкования права ВТО в процессе его применения.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили многосторонние соглашения права ВТО и практика разрешения споров с использованием соответствующего механизма этой организации. При написании статьи автор использовал методы правовой науки. В частности, в работе применяется системный метод, положенный в основу исследования связей права ВТО с международным правом.

Обсуждение

Нормы, регулирующие международные торговые отношения между членами Всемирной торговой организации, с учетом их действия по определенному кругу государств, составляют обособленную группу. В связи с тем, что среди них нет положений, указывающих на принципы международного права как юридическую основу данных отношений, возникает вопрос о соотношении данных норм, которые в совокупности называют "правом ВТО", и международного права. Остроту данному вопросу придает тот факт, практика урегулирования споров в ВТО иногда идет вразрез даже с теми положениями, косвенно подтверждающими связь между указанными правовыми системами, которые закреплены в праве ВТО.

Так, в ст. 3.2 и 19.2 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, говорится о недопустимости расширения или сужения прав и обязанностей, предусмотренных соглашениями участников ВТО [1]. Можно сказать, положения приведенных статей воплощают суть международного права, обязательность которого обусловлена согласием субъектов данного права с его содержанием. Иными словами, требование согласованности правил, претендующих на признание в качестве норм международного права, является обычаем международного права.

Однако обзор практики ГАТТ/ВТО по разрешению споров, представленной в специальных исследованиях, начиная с 1985 г. [2], показывает, что и третейские группы и Апелляционный орган в своих решениях зачастую создают новые права и обязанности. Они также ошибочно толкуют те права и обязанности, которые были коллективно приняты после того, как каждый член ВТО дал на них свое согласие.

В свете данного обстоятельства указанные действия третейских групп и Апелляционного органа выражают пренебрежение к праву международных договоров. При этом нарушается и ст. 31.1 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., предусматривающая добросовестность толкования договора, что является общепризнанной нормой международного права. Кроме того, как отмечается в зарубежной литературе, это проявление неуважения к членам ВТО как субъектам правотворчества. Принцип принятия согласованных решений, характерный для всего международного права, должен неукоснительно соблюдаться третейскими группами и Апелляционным органом [2].

Заметим, что, поскольку данный принцип характерен и для ВТО, органы которой не наделены правотворческими функциями, метод создания правовых норм в этой организации совпадает с общим методом международного права.

На относительный характер обособленности права ВТО указывает связанность членов этой организации обязательствами одновременно по многим договорам, и модель их международного поведения складывается под воздействием всех соответствующих обязательств. С одной стороны, этим обстоятельством подтверждается правомерность ссылок на любые имеющие отношение к предмету спора нормы международного права, а с другой – возникает вопрос о правилах разрешения коллизий, которые могут возникнуть между ними. Установление способов разрешения коллизий, в которые могут вступать положения многосторонних соглашений права ВТО, позволило бы внести ясность в вопрос о соотношении его с международным правом.

С учетом всего объема нормативных предписаний, на которые допустимы ссылки в практике ОРС, коллизии могут возникать между: а) договорными нормами и обычными; б) положениями ГАТТ и других охваченных соглашений; в) между другими охваченными соглашениями; г) между охваченными и иными соглашениями.

При возникновении коллизий типа (а) можно полагаться на получивший всеобщее признание подход к соотношению обязательности обычных и договорных норм, которые не различаются по юридической силе. Такой подход является общим для российской и зарубежной доктрины и получил подтверждение на практике [3, С. 28, 74]. Таким образом, понятие *acte contraire* неприменимо в отношении источников международного права, и, в равной мере, обычные нормы могут быть изменены договорными, а договорные – обычными. Учитывая, что охваченными соглашениями, прежде всего, ГАТТ, были кодифицированы многие нормы, существовавшие ранее в форме обычая, наиболее вероятным случаем может быть коллизия между положением охваченного соглашения и обычной нормой, сложившейся после его принятия. Ее преодоление со всей очевидностью должно основываться на общем принципе права о разрешении интертемпоральных коллизий.

Предписание относительно коллизий типа (б) сформулировано в виде Общего замечания по толкованию Приложения 1А к Марракешскому соглашению. Оно устанавливает приоритет «другого соглашения» по отношению к ГАТТ [4], что соответствует общему принципу права о приоритете специальных актов перед общими актами.

Коллизии типа (в) наименее вероятны в силу специализации «других» охваченных соглашений [5], поскольку разные по содержанию правила, относящиеся к одному и тому же

вопросу, возникающему различных видах отношений, могут действовать параллельно, не создавая коллизии. Тем не менее, нельзя исключать возможность их возникновения. Однако коллизионных предписаний в охваченных соглашениях не содержится. Наиболее логичным в таких случаях было бы отдавать предпочтение соглашению, с которым наиболее тесно связана спорная ситуация.

Близкими к типу (в) являются коллизии между соглашениями членов ГАТТ до создания ВТО и Марракешским соглашением, в которое первые соглашения не были включены. Заключение Органа ВТО по разрешению споров (ОРС), сделанное при рассмотрении данного вопроса [6], позволяет констатировать, что разрешение подобных коллизий произошло в результате прекращения действия соглашений, принятых до создания ВТО, или перекрытия их Марракешским соглашением.

Разрешение коллизий типа (г) имеет особое значение для ответа на поставленный вопрос. Однако ответ на него дается только в связи с Уставом ООН. Так, с одной стороны, ст. 103 Устава ООН, устанавливает преимущество обязательств по данному документу. С другой стороны ст. XXI (с) ГАТТ говорит о том, что данное соглашение не препятствует исполнению его сторонами обязательств по Уставу ООН. Таким образом, разрешение коллизий между положениями Устава ООН и положениями многосторонних соглашений права ВТО может быть только в пользу Устава ООН.

По поводу разрешения коллизий между многосторонними договорами права ВТО и другими международными договорами в праве ВТО никаких общих указаний не содержится. Лишь в одном случае прямо закрепляется преимущество норм ГАТТ 1994 г. Так, Декларация о взаимоотношениях между ВТО и МВФ устанавливает его по отношению к правилам МВФ, если иное не предусмотрено в самом Генеральном соглашении [7].

Следует также упомянуть также о Решении министров по торговле и окружающей среде, которое хотя и не содержит коллизионных положений, но учреждает Комитет по торговле и окружающей среде, к ведению которого отнесены вопросы взаимосвязи между механизмами урегулирования споров в многосторонней торговой системе и аналогичными механизмами, существующими в рамках многосторонних соглашений по охране окружающей среды. К числу данных договоров относятся в частности Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. (ст. 22 (1)); Североамериканское соглашение о защите окружающей среды от 14 сентября 1993 г. (ст. 40); Европейская энергетическая хартия (ст. 4); Картагенский протокол о биологической безопасности от 29 января 2000 г. (Преамбула).

Приведенные положения нормативно-правовых текстов ВТО позволяют констатировать, что международные договоры, не относящиеся к праву ВТО, могут составлять определенную часть правовой основы разрешения споров в рамках ВТО. Вместе с тем, очевидно, что правовая база для разрешения коллизий между нормами многосторонних соглашений права ВТО и нормами других международных договоров, на которые могут ссылаться стороны и ОРС, рассчитана на преодоление лишь некоторых коллизий. Позитивным фактом является то, что в системе ВТО косвенным образом признается преимущество принципов *jus cogens*. Однако, в целях обеспечения гарантии разрешения споров в контексте указанных принципов необходимо, чтобы это преимущество получило прямое закрепление.

Тот факт, что коллизионное регулирование в определенных обстоятельствах предусмотрено при разрешении споров в рамках ВТО и что речь идет не только о внутренних коллизиях, но и коллизиях между соглашениями, заключенными между членами ВТО и другими международными договорами, подтверждает взаимодействие права ВТО с международным правом как части и целого.

Впечатление о правовой замкнутости ВТО, очевидно, вызвано тем, что в ряде статей Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение (3.2, 3.3, 11) упоминаются соглашения, заключенные именно в рамках ВТО (охваченные соглашения). Однако, на наш взгляд, ссылки на данные соглашения даются с целью уточнения юрисдикции ОРС, третейских групп и Апелляционного Органа, которая ограничена рассмотрением споров, вытекающих из данных соглашений. Что касается обращения к другим нормам международного права и применения их, то каких-либо положений,

препятствующих этому, в документах ВТО не содержится [8, Р. 3]. Это подтверждается практикой третейских групп и Апелляционного органа, в которой можно найти примеры обращений к праву международных договоров (по поводу принципа непризнания обратной силы международного договора) [9]; институту ответственности, в частности к положениям о контрмерах [10] и других.

Вместе с тем следует отметить, что разрыв между правом ВТО и международным правом существует, хотя толкование некоторых положений в праве ВТО представляется невозможным без обращения в частности к актам ООН. Для подтверждения данного тезиса обратимся к Договоренности в отношении освобождения от обязательств по ГАТТ 1994.

Пункт 1 данного документа предоставляет право члену ВТО ходатайствовать о временном освобождении от обязательств или продлении действующего освобождения. При этом «просьба о временном освобождении от обязательств или продлении действующего освобождения должна содержать описание мер, которые член намеревается принять, конкретных политических целей, которые член преследует, и причин, по которым член не использует для достижения своих политических целей меры, совместимые с его обязательствами по ГАТТ 1994» [11].

Особого внимания в приведенном положении заслуживает указание на политические цели, которыми может быть обосновано освобождение от обязательств.

Прежде всего, из текста документа логически следует, что политическая цель в принципе может служить приемлемым аргументом для обоснования просьбы об освобождении от обязательств.

Требование описания цели, по всей видимости, означает, что все-таки не всякая политическая цель может быть признана в качестве аргумента. Следовательно, указанная цель должна получить оценку своей состоятельности. Отсюда вытекает вопрос: что может выступать в качестве критериев для оценки политической цели?

Освобождение от обязательств в ст. XXIII ГАТТ и в п. 1 ст. 22 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, трактуется как приостановление уступок или иных обязательств по отношению к стороне или сторонам, действия которых ведут к аннулированию или сокращению выгод.

Иными словами, освобождение от обязательств является мерой противодействия, то есть санкцией, принимаемой в ответ на нарушение охваченных соглашений с указанными последствиями, если соответствующие действия признаются таковыми в процедуре урегулирования споров, и рекомендации и решения Органа по урегулированию споров не выполняются в течение разумного времени.

Освобождение от обязательств в политических целях, очевидно, будет иметь место в иных обстоятельствах, не связанных с урегулированием торгового спора. По сути, речь идет об экономических санкциях, применение которых регулируется Уставом ООН. Соответственно, оценка политической цели может быть дана с учетом принципов и норм, закрепленных в Уставе ООН в сотрудничестве с этой организацией. Однако никаких указаний на этот счет в рассматриваемом документе не содержится. Обращение в один из органов ООН предусмотрено правом ВТО только в связи с урегулированием споров.

Так, в п. 2 ст. XXIII ГАТТ, применяемом согласно Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, говорится о возможности консультирования с Экономическим и Социальным Советом ООН, как и с любой другой соответствующей межправительственной организацией, относительно рекомендаций по разрешению спора.

Аналогичное консультирование с соответствующими органами ООН, должно иметь место при оценке политических целей, если член ВТО ссылается на них в случае запроса на освобождение от обязательств по ГАТТ. Отсутствие взаимодействия ВТО и ООН в решении данного вопроса образует разрыв между правом ВТО и международным правом как частью и целым и представляет угрозу международному правопорядку.

Необходимость взаимодействия ВТО с ООН наблюдается также в связи с введением экономических санкций. Так, выполнение предусмотренного ст. 41 Устава ООН требования о применении мер экономического характера (в частности торговых ограничений) сопряжено с отступлением от обязательств по многосторонним соглашениям права ВТО и, как следствие, возникновением экономических проблем. В ст. 50 Устава признается, что в связи с применением данных мер для государств, выполняющих указанное требование Совета

Безопасности, могут возникнуть социальные и экономические проблемы, и они имеют «право консультироваться с Советом Безопасности на предмет разрешения таких проблем» [12].

В контексте права ВТО основной проблемой такого рода является сокращение выгод, которое служит основанием для обращения с жалобой в ОРС. Однако, формулировка ст. XXI (с) ГАТТ относительно обязательств, предусмотренных Уставом ООН, не выражает прямого требования их соблюдения данных обязательств, что не дает возможности разрешения упоминаемых в ст. 50 Устава ООН «экономических проблем» с применением механизма разрешения споров ВТО. Учитывая, что решение экономических проблем, входящих в компетенцию ОРС, носит вполне конструктивный характер, защита интересов государств, выполняющих решения Совета Безопасности с применением механизма разрешения споров ВТО, могла бы быть более эффективной.

Заключение

Резюмируя, приходим к выводу, что право ВТО, основанное на международных договорах, является частью международного права. Выявленный разрыв между правом ВТО и международным правом представляется обстоятельством, которое может препятствовать достижению целей ВТО и должно быть устранено в интересах международного правопорядка.

Принимая во внимание, что члены ВТО являются субъектами международного права, соответственно, международного торгового права, можно сделать заключение, что нормы международных торговых договоров и права ВТО надлежит рассматривать в международном публичном праве в рамках единой совокупности – международного торгового права. Следовательно, вопросы, возникающие в рамках ВТО, которые затрагивают обязательства, установленные иными, не входящими в систему ВТО, нормами международного права, требуют решения с учетом общих принципов и соответствующих норм международного права.

Примечания:

1. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes // URL: <http://www.wto.org>
2. Beckington J.S. Toward more disciplined, effective system of dispute settlement at WTO (Met-ropolitan Corporate Council, October 02, 2007) // URL: http://www.wto.ru/ru/opinion.asp?msg_id=21210.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. Учебник. М.: БЕК, 1996.
4. Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization 15 April, 1995//URL: <http://www.wto.org>
5. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (Annexe 2 to the WTO Agreement) //URL: <http://www.wto.org>
6. Korea – Measures Affecting Government Procurement, WTO Doc. WT/DS163/R, para. 7.96 n. 753 (June 19, 2000).
7. Declaration on the relationship of the world trade organization with the International Monetary Fund //URL: <http://www.wto.org>
8. Marceau G. Publications of World Bank Seminar on International Trade Law, Oct. 24-25, 2000.
9. Brazil – Measures Affecting Desiccated Coconut, WTO Doc. WT/DS22/AB/R, at 15(Mar. 20, 1997; Canada – Patent Protection Term, WTO Doc. WT/DS170/AB/R, paras.71-74(Oct. 12, 2000).
10. EC – Bananas, WTO, Doc. WT/DS27/ARB, para. 6.16 (arb. Mar. 17, 2000); Brazil – Export Financing Programme for Aircraft, WTO. Doc. WT/DS46/ARB, para. 3.44@nn. 45, 48 (arb. Aug, 28, 2000).
11. Understanding in Respect of Waivers of Obligations Under the General Agreement on Tariffs and Trade 1994//URL: <http://www.wto.org>
12. URL: <http://www.un.org>

UDC 341.73

Право ВТО и международное право: проблема соотношения

Наталья Евгеньевна Тюрина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420061, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tyurina.natal@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены положения Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации и многосторонних соглашений, а также некоторые вопросы практики урегулирования споров в ВТО, по которым можно проследить соотношение права ВТО и международного права.

Ключевые слова: международное право, право ВТО, разрешение споров, коллизии, санкции.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

E-ISSN 2413-7618

Vol. 5, Is. 3, pp. 116-122, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.5.116

<http://ejournal41.com>

UDC 341.637

Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Finland

Iliia N. Zhdanov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Lecturer
E-mail: zhdanov@law.vsu.ru

Abstract

The article deals with the recognition and enforcement of foreign arbitral awards in Finland. The author analyzes and gives a characteristic of the applicable national and international law in this area, in particular the Arbitration Act of 1992 and the New York Convention of 1958 are considered. Particular attention is given to the Finnish judicial practice in the field of recognition and enforcement of foreign arbitral awards, as well as problems of European Union law in terms of recognition and enforcement of European arbitral awards in the member states of the EU and Finland.

Keywords: international arbitration, international law, European Union law, recognition and enforcement of foreign arbitral awards, Finland.

Введение

В настоящее время в международном праве наиболее универсальным инструментом для признания и исполнения зарубежных арбитражных решений является Нью-Йоркская Конвенция «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» 1958 г. [7]. Конвенция действующая в настоящий момент в 156 государствах [4], в числе все основные т. н. «экономически значимые юрисдикции». Финляндия подписала данную Конвенцию в числе первых государств еще в 1958 г., а ратифицировала в 1962 г.

Материалы и методы

При написании данной статьи были использованы акты институтов Европейского Союза, финское законодательство, практика финских судов, в частности решения Верховного суда.

В рамках исследования использовались различные методы научного познания. В частности, проблемно-хронологический метод помог отразить рассуждения автора относительно развития законодательства о признании и исполнении иностранных арбитражных решений в Финляндии, в то время как системный метод и метод сравнительного правоведения способствовали установлению и логичному изложению существующих и применимых в Финляндии национальных и международно-правовых

норм, а формально-юридический метод помог отразить необходимые особенности финского законодательства об арбитраже.

Обсуждение

Ядром финского арбитражного законодательства в рамках национальной правовой системы является Закон «Об арбитраже» 967/1992 [5] (далее Закон) с изменениями и дополнениями 2003 года. Закон содержит нормы, регламентирующие признание и исполнение иностранных арбитражных решений в Финляндии, которые практически идентичны положениям Нью-Йоркской конвенции, а также Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. [8].

Глава 11 Закона «Об арбитраже» («Иностранный арбитраж») содержит вопросы признания и исполнения иностранных арбитражных решений.

Согласно п. 1 ст. 51 Закона, если суд принял к рассмотрению дело, которое в соответствии с арбитражным соглашением, подлежит рассмотрению в другом государстве, суд обязан, если сторона ходатайствует об этом, не позднее подачи своего первого заявления по существу дела, отнести стороны на рассмотрение спора в арбитраж, за исключением случаев, если суд сочтет, что арбитражное соглашение полностью или в части является недействительным или неисполнимым согласно применимому праву.

Согласно п. 1 ст. 52 Закона, арбитражное решение, вынесенное на территории другого государства на основании арбитражного соглашения, составленного в соответствии нормами о форме арбитражного соглашения и арбитражной оговорке, должно быть признано на территории Финляндии, за исключением случаев, указанных в ст. 53 Закона (они схожи с положениями ст. V Нью-Йоркской Конвенции), а именно, если сторона докажет, что:

1. Она не была уполномочена на заключение арбитражного соглашения или не была надлежащим образом представлена в момент заключения арбитражного соглашения, либо что арбитражное соглашение соответствует формальным требованиям статьи 3 Закона, однако по каким-либо формальным причинам является недействительным согласно положениям права, применимого к соглашению, либо в случае, если применимое право не определено, согласно положениям права государства, в котором было вынесено арбитражное решение;

2. Она не была надлежащим образом уведомлена относительно назначения арбитра, либо арбитражного процесса, либо была лишена возможности изложить свою позицию в деле;

3. Арбитражный суд превысил свои полномочия;

4. Формирование состава арбитража, либо арбитражные процедуры в значительной степени отличались от установленных в соглашении сторон, либо в отсутствие такого соглашения, от применимого к арбитражу права в государстве, в котором происходило арбитражное рассмотрение спора; либо

5. Решение не вступило в законную силу, было признано недействительным, было отменено, либо его исполнение было приостановлено в государстве, в котором, либо по праву которого данное решение было вынесено.

В то же время п. 2 ст. 52 Закона указывает на единственную возможность отказа в признании и исполнении иностранного арбитражного решения финским судом по собственной инициативе. «Арбитражное решение, указанное в пункте 1 настоящей статьи не может быть признано, если оно противоречит публичному порядку Финляндии (*ordre public*)».

Суд вправе до начала или в процессе арбитражного разбирательства, независимо от содержания арбитражного соглашения, вынести предписание о наложении обеспечительных мер (п. 2. ст. 51).

Статья 54 Закона определяет порядок исполнения решения. Оно признается и исполняется на основании заявления, которое подается в суд первой инстанции (районный суд).

К заявлению прилагается экземпляр арбитражного соглашения, либо документ, указанный в ст. 4 Закона, а также оригинал арбитражного решения, либо его заверенная копия. Документ, составленный на ином языке, чем финский или шведский, должен сопровождаться заверенным переводом на один из указанных языков, если только суд не

сочтет возможным принять документ без перевода. Как видим, закрепления механизм приведения в исполнение зарубежного арбитражного решения. Иными словами, как только решение станет окончательным, оно будет обеспечиваться также, как и "национальные". Они подлежат исполнению на основании официального документа посредством действий принудительного характера Районной службы судебных приставов Финляндии (kihlakunnavouti [17]).

Положения ст. 55 Закона направлены на защиту интересов проигравшей стороны. Так, прежде чем зарубежное арбитражное решение будет признано, проигравшей стороне предоставляется возможность изложить свою позицию, если не существует какой-либо причины воздержаться от заслушивания этой стороны. Исключения составляют случаи, когда необходимо заслушать свидетеля или иное лицо, окружной суд принимает решение об исполнении арбитражного решения камерально. Если проигравшая сторона заявит о том, что она подала заявление о признании решения недействительным, либо об отмене решения или приостановлении его исполнения в компетентный орган государства, указанного в п. 5 ст. 53 Закона, суд вправе отсрочить принятие решения об исполнении. Одновременно суд вправе, по заявлению испрашивающей исполнения стороны, предложить другой стороне предоставить соответствующее обеспечение и установить, что такая отсрочка зависит от предоставления стороной требуемого обеспечения.

Следует заметить, что нормы финского Закона «Об арбитраже» являются более благоприятными для признания и исполнения иностранных арбитражных решений, чем Нью-Йоркская конвенция и Типовой закон ЮНСИТРАЛ в том аспекте, что «неарбитражность» спора не является сама по себе основанием для отказа в признании и исполнении зарубежных арбитражных решений.

В целом, перспективы признания и исполнения решения иностранного арбитража финскими судами выглядят позитивно, поскольку в преобладающем большинстве дел достаточно просто получить экзекватуру финского суда.

Ярким является пример дела об исполнении иностранного арбитражного решения финским судом, вынесенного в Китае по Арбитражным правилам Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (КМЭТАК) [16]. Изначально арбитражное разбирательство происходило в Китае между китайской строительной компанией и финской организацией в соответствии с действующими правилами КМЭТАК на китайском языке, нормами китайского материального права, как и было установлено в заключенном контракте между сторонами. Решение было вынесено в пользу китайской компании в декабре 2010 г. Однако, финская сторона отказалась исполнить решение, что повлекло за собой необходимость признания и исполнения решения китайской компанией в Финляндии. Соответствующее ходатайство было подано в компетентный финский суд в октябре 2011 г. Финская сторона, в свою очередь, оспорила ходатайство и потребовала его отклонения.

Возражая относительно признания иностранного решения, финская сторона ссылалась на тот факт, что китайский арбитраж был предвзятым и нарушил ее процессуальные права в ходе разбирательства. Финская сторона заявила, что арбитры были изначально на стороне китайской компании и ее права по представлению как устных, так и письменных доказательств в свою защиту были нарушены. Более того, в итоге было заявлено, что вынесенное решение было основано на неправильном применении китайского законодательства как в материальном, так и процессуальном аспектах.

Соответственно, финская сторона заключила, что ее право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, а, следовательно, арбитражное решение противоречит финскому публичному порядку. Она потребовала устного слушания в финском суде, а также ходатайствовала о назначении нескольких свидетелей в доказательство своих требований.

Тем не менее, районный суд Хельсинки отклонил ходатайство финской стороны об устном слушании и вынес свое решение в письменном процессе. В своем решении суд постановил, что вынесенное иностранным арбитражем решение было окончательным и было бы неуместным проводить устные слушания повторно в нарушение норм финского Закона «Об арбитраже» 1992 г., Нью-Йоркской конвенции 1958 г., а также Арбитражных правил КМЭТАК. Повторные слушания, по мнению суда, означали бы на практике «повторный процесс», что недопустимо в смысле окончательности решения арбитража.

Суд также посчитал, что согласно ст. 8 Арбитражных правил КМЭТАК 2005 г., сторона обязана представить свои возражения незамедлительно, когда она считает, что ее права были нарушены, или же сторона считается отказавшейся от своего права на возражение. Поскольку финская сторона не представила каких-либо возражений в ходе арбитражного разбирательства, суд заключил, что она отказалась от своего права сделать это позднее. Суд также заявил, что арбитражное решение может быть признано недействительным только в исключительном случае.

Таким образом, суд не увидел каких-либо оснований для непризнания, неисполнения данного иностранного арбитражного решения в Финляндии. Кроме того, финская сторона была обязана возместить все "юридические" расходы, вызванные у истца процедурой признания.

В целом общая судебная практика признания и исполнения показывает, что несмотря на ходатайства сторон, финские суды неохотно организуют любые устные слушания. Как результат, оспаривание решений иностранных арбитражей в Финляндии в настоящий момент выглядит достаточно проблематичным.

Однако, несправедливо говорить об «абсолютной неоспариваемости» данных решений. Практика Финляндии имеет небольшой ряд прецедентов Верховного суда Финляндии (ККО 2002:34, ККО 1998:72) об отказе в признании решения иностранного арбитража. Однако, они имели частный характер и были связаны с несоблюдением истцами процессуальных норм о подаче заявления.

Финляндия является членом Европейского Союза с 1995 г. В коммуитарном праве ЕС (общеобязательные для его членов предписания, издаваемые институтами Союза) существуют нормы относительно этого. Амстердамский договор 1997 г. [12] впервые предусмотрел коммуитаризацию положений о судебном сотрудничестве государств-членов ЕС по гражданским делам, включив их в раздел Договора о ЕС, посвященный свободе передвижения лиц (ст. 65). Таким образом, с этого момента данные вопросы, получившие освещение в российской правовой науке [1; 2; 3; 9], стали регулироваться на наднациональном уровне путем издания регламентов Совета Европейского Союза [6]; данный механизм определяется как «коммуитарный». Механизм, базируемый на нормах Нью-Йоркской Конвенции, следует называть «конвенционным».

Так, институтами ЕС был принят ряд регламентов, направленных на развитие сотрудничества членов ЕС в области гражданского судопроизводства. Ключевыми в данной области стали Регламент ЕС 44/2001 от 22 декабря 2000 г. «О юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам» [13] и Регламент ЕС 1206/2001 от 28 мая 2001 г. «О сотрудничестве судов в получении доказательств по гражданским и торговым делам» [14]. Они закрепили важный принцип свободного перемещения решений по гражданским делам в европейском правовом пространстве, но, к сожалению, этот принцип не относится к арбитражным решениям, которые исключены из сферы применения ст. 1(2)(d) Регламента ЕС 44/2001 (т.н. «арбитражное исключение»).

С 2009 г. на уровне институтов ЕС начали вестись дебаты по включению решений европейских арбитражей в область применения данной статьи. Сторонники включения арбитражных решений выдвинули ряд тезисов в своем предложении Еврокомиссии от 21 апреля 2009 г. [15] о необходимости пересмотра и гармонизации арбитражного законодательства, принципов, объема арбитражного соглашения, взаимного доверия между европейскими юрисдикциями и, как следствие, свободного обращения решений арбитражей. Их оппоненты указали на удовлетворительность действующей Нью-Йоркской конвенции 1958 г., а также непредсказуемые последствия в случае включения арбитражных решений в область действия регламента.

Позиция Финляндии относительно пересмотра вышеуказанного Регламента отразилась в Официальном ответе Министерства юстиции Финляндии на Зеленую книгу о пересмотре Регламента ЕС 44/2001 от 26 июня 2009 г. [10] и приобрела двойственный характер.

С одной стороны, финская сторона выступила за невмешательство действия норм Регламента Брюссель I в применение положений Нью-Йоркской конвенции 1958 г. С другой, Финляндия поддержала идею отмены нормы ст. 1(2)(d) Регламента об арбитражном исключении, что означало включение в производство государственных судов дел

относительно признания и исполнения арбитражных решений. Также отмена исключения означала бы, что решения о действительности или же недействительности арбитражных соглашений и арбитражных решений будут признаваться в других государствах-членах ЕС, что было бы подходящим результатом с точки зрения финских экспертов.

Результаты

В целом, основная обеспокоенность Финляндии относительно изменения европейского права в данной области связывалась с возможностью возникновения коллизий между Регламентом и Конвенцией. Однако, согласно выраженной в Официальном ответе точке зрения, даже в случае своего возникновения, подобные «коллизии должны быть решены в соответствии с общими принципами международного права». Таким образом, Финляндия выступила за принятие предлагаемых поправок с той оговоркой, что пересмотренный Регламент не будет означать фактическое перенесение арбитражных процедур в сферу компетенции Союза, однако создаст «факультативную возможность» использования коммунитарного механизма, оставив у государств-членов компетенцию по заключению новых международных договоров об арбитраже.

В итоге Регламент был пересмотрен, а поправки были приняты 12 декабря 2012 г. в виде нового Регламента ЕС 1215/2012 [11], который вступил в силу с 10 января 2015 г. Он получил в науке название «Брюссель I (пересмотренный)» (Brussel I (recast)), однако норма об «арбитражном исключении» отменена так и не была. Более того, во избежание неправильного толкования и правоприменения законодателем в п. 12 преамбулы было четко сформулировано, что Регламент не применяется к «искам или производствам, связанным, в частности, с вопросами формирования состава арбитров и их полномочий, проведения арбитражного разбирательства или любых иных его аспектов, а также к искам или решениям, связанным с отменой, пересмотром, признанием или приведением в исполнение арбитражного решения». Более того, ст. 73 Регламента прямо закрепила, что «Регламент не влияет на применение Нью-Йоркской конвенции 1958 г.».

Таким образом, в настоящий момент в ЕС, несмотря на предпринятые попытки, так и не был сформирован эффективный коммунитарный механизм в отношении признания и исполнения решений иностранных арбитражей, а его государства-члены, в том числе Финляндия, продолжают использовать конвенционный механизм, базируемый на Нью-Йоркской конвенции 1958 г., нормы которой так или иначе были имплементированы в национальные правовые системы европейских государств.

Заключение

В заключение следует сказать, что современная финская модель признания и исполнения иностранных арбитражных решений вполне эффективна и современна, базируется на нормах Нью-Йоркской конвенции 1958 г., ряде норм неимплементированного в Финляндии Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. Интересной особенностью финского законодательства является закрепление более благоприятного правового режима в сравнении с нормами международного права в данной области, в то время как финская судебная практика демонстрирует позитивное отношение к данной категории дел.

Примечания:

1. Бирюков П.Н. О некоторых аспектах деятельности Евроюста // Международное публичное и частное право. 2007. № 2. С. 9–11.
2. Бирюков П.Н. Отдельные аспекты вопросов выдачи преступников в Финляндии // Судебная власть и уголовный процесс 2012. № 1. С. 182-190
3. Бирюков П.Н. Проблемы признания в ЕС дисквалификации, вынесенной судами государств-членов Евросоюза // Современное право. 2008. № 6. С. 45-57
4. http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention_status.html
5. Закон Финляндии «Об арбитраже» 1992 г. // <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1992/en19920967.pdf>
6. Кашкин С.Ю., Калининченко П.А., Четвериков А.О. Введение в право Европейского Союза: учебник / Под ред. Кашкина С. Ю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Эксмо», 2010. С. 239.

7. http://www.newyorkconvention.org/userfiles/documenten/nyc-texts/32_russian.pdf
8. http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf
9. Biriukov P. Mutual recognition and enforcement of sentences of the European Union Member States: the basic stages of the development of the institution // *Transformacja systemow wymiaru sprawiedliwosci. Tom II. Proces transformacji i dylematy wymiaru sprawiedliwosci* / red. Jerzy Jaskiernia. Torun, 2011. Wydawnictwo Adam Marszalek. S. 665-676.
10. Green paper on the review of Council Regulation (EC) No 44/2001 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters – Finland's response // http://ec.europa.eu/justice/newsroom/civil/opinion/files/090630/english_translations_ec/finland_en.pdf
11. Regulation (EU) No 1215/2012 of the European parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (recast) // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:351:0001:0032:en:PDF>
12. URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html>
13. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001R0044:EN:html>
14. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001R1206:en:NOT>
15. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0175:FIN:EN:PDF>
16. URL: <http://www.cietac.org/index/rules/CIETACARBITRATIONRULES.cms>
17. URL: <http://www.om.fi/en/Etusivu/Julkaisut/Esitteet/TheJudicialSystemofFinland/EnforcementsofJudgements>

References:

1. Biriukov P. N. O nekotoryh aspektah dejatel'nosti Evrojusta // *Mezhdunar. publichnoe i chastnoe pravo*. 2007. No 2. S. 9–11.
2. Biriukov P. N. Otdel'nye aspekty voprosov vydachi prestupnikov v Finljandii // *Sudebnaja vlast' i ugovolnyj process* 2012. No 1. S. 182-190
3. Biriukov P. N. Problemy priznanija v ES diskvalifikacii, vnesennoj sudami gosudarstv-chlenov Evrosojuza // *Sovremennoe pravo*. 2008. No 6. S. 45-57
4. http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/arbitration/NYConvention_status.html
5. <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1992/en19920967.pdf>
6. Kashkin S.Ju., Kalinichenko P.A., Chetverikov A.O. *Vvedenie v pravo Evropejskogo Sojuza: uchebnik* / Pod red. Kashkina S. Ju. 3-e izd., pererab. i dop. M.: «Jeksmo», 2010. S. 239.
7. http://www.newyorkconvention.org/userfiles/documenten/nyc-texts/32_russian.pdf
8. http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf
9. Biriukov P. Mutual recognition and enforcement of sentences of the European Union Member States: the basic stages of the development of the institution // *Transformacja systemow wymiaru sprawiedliwosci. Tom II. Proces transformacji i dylematy wymiaru sprawiedliwosci* / red. Jerzy Jaskiernia. Torun, 2011. Wydawnictwo Adam Marszalek. S. 665-676.
10. Green paper on the review of Council Regulation (EC) No 44/2001 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters – Finland's response // http://ec.europa.eu/justice/newsroom/civil/opinion/files/090630/english_translations_ec/finland_en.pdf
11. Regulation (EU) No 1215/2012 of the European parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (recast) // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:351:0001:0032:en:PDF>
12. URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html>
13. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001R0044:EN:html>
14. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001R1206:en:NOT>

15. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0175:FIN:EN:PDF>
16. URL: <http://www.cietac.org/index/rules/CIETACARBITRATIONRULES.cms>
17. URL: <http://www.om.fi/en/Etusivu/Julkaisut/Esitteet/TheJudicialSystemofFinland/EnforcementsofJudgements>.

УДК 341.637

Признание и исполнение иностранных арбитражных решений в Финляндии

Илья Николаевич Жданов

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Преподаватель
E-mail: zhdanov@law.vsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в Финляндии. Автором проведен анализ и дана характеристика действующего национального и международного права в данной области, в частности Закона Финляндии «Об арбитраже» 1992 г. и Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Определенное внимание уделено финской судебной практике в сфере признания и исполнения решений иностранных арбитражей, а также проблемам европейского права в аспекте признания и исполнения решений европейских арбитражей в государствах членах ЕС и Финляндии.

Ключевые слова: международный арбитраж, международное право, европейское право, признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, Финляндия.